

Ирина Степановская

Экспертиза любви

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936985

Экспертиза любви : роман / Ирина Степановская: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56785-0

Аннотация

У людей, наверное, разная потребность в любви. Зависит ли эта потребность от профессии – неизвестно, но от характера точно зависит. Лена Крылова, бывшая аспирантка, до недавнего времени потребности в любви как-то не испытывала. То ли на молодых людей не везло, то ли склад ума был слишком самостоятельный. А вот пришла Лена работать на кафедру судебной медицины – и тут... Говорят же, любовь зла. И, наверное, она бывает еще злее, когда каждый день приходится погружаться в смерть.

Содержание

1	4
2	11
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Степановская

Экспертиза любви

*С любовью моим друзьям
судебно-медицинским экспертам высшей категории:
Леониду Васильевичу Калинин
Надежде Дмитриевне Асмоловой
Татьяне Владимировне Самсоновой
Вере Самсоновой
Людмиле Мурашовой*

Судебная медицина (англ. forensic pathology, нем. Rechtsmedizin, фр. médecine légale) – представляет собой специальную медицинскую науку, систему научных знаний о закономерностях возникновения, способах выявления, методах исследования и оценки медицинских фактов, служащих источником доказательств при проведении расследования, предусмотренного законом.

1

Темно-бордовое платье с кожаным пояском. Рыжие пушистые волосы стянуты на затылке и выбиваются завитками. Это Лена Крылова сидит на краешке стула перед огромным начальственным столом, заваленным бумагами. Она не может четко различить лицо человека напротив – взгляд заволакивают непрошеные слезы, а мужской голос с противоположной стороны стола доносится как через трубу. Бу-бу-бу! Бу-бу-бу.

– ...Вы, наверное, думаете, что судебная медицина – это нечто особенное, такая смесь организованной дьяволом процедуры в сочетании с бюрократией наших чиновников...

Лена молчит. «Бу-бу-бу» звучит вкрадчивее и назойливее.

– ...Ничего подобного, Елена Николаевна. Ничего дьявольского в организации судебно-медицинской службы в России нет, это обычный предмет, которому надо учить студентов. Как хирургии, терапии, физиологии или акушерству... – Начальственный голос гудит, и так же гудит от него в голове у девушки. – Сознайтесь, ведь не хотите идти на судебную медицину, потому что думаете, что там грязно и противно? – Одутловатое лицо придвинулось к ней через стол.

– Нет, не думаю. – Ровные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями комкают носовой платок. – Но и работать в судебной медицине не хочу.

– Ну-у-у! – лицо с разочарованием откинулось назад. – Этак мы с вами зря время теряем. Не могу же я вас битых два часа уговаривать!

– Меня не надо уговаривать, – платочек на мгновение замер. – Я согласна пойти работать на любую другую клиническую кафедру, если мне не нашлось места на моей собственной, но на судебную медицину не пойду.

– Помилуйте, чем плоха специальность? – раздраженно спросил бывшую аспирантку, а теперь свежезащищенного кандидата медицинских наук Лену Крылову проректор по научной работе Павел Владимирович Быстрякин.

Ах если бы он знал, этот замечательно рассуждающий о судебной медицине Павел Владимирович, какой интересный разговор в эти же самые минуты происходит на другом конце города в помещении Бюро судебно-медицинской экспертизы...

Может, тогда он не стал бы так решительно уговаривать бывшую аспирантку Лену Крылову сменить специальность. Но Павлу Владимировичу не было никакого дела до дел Бюро. Его задача была утрясти случайно произошедшую накладку с трудоустройством этой девушки. А разговор в Бюро между тем происходил интересный.

В кабинете заведующего танатологическим¹ отделением Владимира Александровича Хачмамедова – бывшего спортсмена-борца и бывшего бабника – разговаривали сам заведующий и вызванный к нему молодой эксперт этого же отделения Саша Попов. И как потом выяснилось, некоторое отношение к кафедре судебной медицины этот разговор все-таки имел.

Хачмамедов сидел за своим столом крепкий, красный, по Сашиним понятиям, уже старый, и старался не смотреть в сторону своего молодого коллеги. Он разглядывал стол и лежащие на поверхности стола свои кубические кулаки с короткими, толстыми красными пальцами. Не смотреть на Сашу Хачмамедов старался, потому что знал – как только посмотрит, так не выдержит и начнет орать. А сейчас пока он еще не орал. Так, разминался. Поэтому и держал руки в кулаках.

– И с какого хрена ты (твою мать!) послал на... следователя, который специально приехал с утра пораньше для того, чтобы застать тебя после вскрытия? – Хачмамедов говорил негромко, а сам легонько поводил из стороны в сторону борцовской шеей и плечами, будто они у него затекли. – И заметь, следователь этот был не какой-то там сраный оперативник из полиции, а достаточно солидный человек из прокуратуры. И приехал он не поинтересоваться у тебя, какая, к примеру, завтра будет погода, а для того, чтобы узнать причину смерти того парня из ночного клуба «Алмаз», которого нашли мертвым ночью возле этого сраного клуба. И которого ты (мать твою!) вскрывал сегодня утром. – Хачмамедов не выдержал и все-таки посмотрел на Сашу. Взгляд у него был тяжелый, мутный. А ресницы все еще неожиданно густые и длинные, как у девушки.

Саша Попов стоял посредине хачмамедовского кабинета и думал, насколько это противно, когда Хачек (так Хачмамедова звали все в экспертизе) старается быть иронично-остроумным. Ну при чем тут погода? Нормальный, в общем-то, Хачек заведующий, но уж как понесет его...

Сам Саша выглядел во время этого разговора достаточно высокомерно – подбородок задран, руки в карманах. И стоял Саша перед заведующим не спокойно, как полагается подчиненному перед начальником, а перекаtywаясь – с пяточки на носок, с носка на пяточку. Будто нарочно заведующего злил. Неудивительно, что Хачмамедов старался на него не смотреть. И так уже руки чесались. Но заведующий, естественно, знал, что все эксперты у него в отделении – парни гордые, чувствительные (орлы!) и что им неприятно, когда их все время посылают к такой-то матери. Однако сегодняшний случай действительно был из ряда вон. Следователь этот брызгал слюной у него в кабинете целых полчаса. И Хачмамедов хоть следователю и обещал спокойно выяснить, в чем дело, но сейчас постепенно все-таки терял терпение. Саша даже ухмылялся про себя – подсчитывал, сколько раз за короткую речь его начальник употребит словосочетание «твою мать».

– Че ты лыбишься-то, че ты лыбишься, твою мать, эксперт хренов! – Хачмамедов все-таки не выдержал и заорал, глядя на Сашу не прямо, а вполоборота, уже начавшими наливаясь кровью глазами. Саша за пять лет работы Хачека изучил достаточно: поорет, поорет и перестанет. Но сегодняшний случай, и Саша тоже это признавал, был далеко не простой.

¹ **Танатоло́гия** (от др. – греч. *θάνατος* – смерть и *λόγος* – учение) – раздел теоретической и практической медицины, изучающий состояние организма в конечной стадии патологического процесса, динамику и механизмы умирания, непосредственные причины смерти.

Поэтому заручиться поддержкой начальства не мешало. Поэтому сегодня Попов Хачеку особенно не дерзил.

– Никакого следователя я никуда не посылал. – Саша в очередной раз пружинисто перекатился с пятки на носок и немного задержался на цыпочках. – Я просто сказал ему, что не готов сейчас озвучить причину смерти этого парня, потому что мне нужны результаты дополнительных экспертиз. А на это уйдет три недели. В крайнем случае десять дней, если пошлю материал cito. Поэтому следователь мог бы спокойно отправляться назад в свою прокуратуру и не трепать мне нервы.

– Ой какие мы нервные! – Хачмамедов легонько прихлопнул кулаком по столу.

Саша вдруг вспомнил, что за щекой у него спрятана мятная жвачка, которую он жевал все утро во время вскрытия. Он захотел ее выплюнуть, но все-таки не стал, подумал, что не надо доводить Хачека до кондрашки.

– А без дополнительных экспертиз, значит, причина смерти тебе не известна? – Хачмамедов попытался вложить в этот вопрос всю иронию, на какую был способен.

– Неизвестна. – Саша уже тоже терял терпение. Неужели нельзя попросту спросить, в чем дело? Нет, надо обязательно показать, кто здесь начальник. Вот уж дурацкая манера у Хачека. Никто и не спорит с его авторитетом. Долго он еще будет сегодня над ним вые...? И так уже с утра достал этот труп из клуба. Да и следователь тоже достал.

– А ничего, что на трупе этого парня ни много ни мало, а двадцать три раны? Нанесенных, как ты сам определил, острыми предметами. – Хачмамедов развернулся к Саше полностью, и тот увидел, что лицо начальника прямо-таки перекошилось от злости. И Саша внешне тоже разозлился. Разозлился так, что у него лицо побелело, и он заорал начальнику в ответ:

– Вот я их сегодня все утро и считал! Целых четыре часа! Поэтому, между прочим, вы и знаете, что их – двадцать три. А не двадцать четыре или двадцать восемь. – Саша теперь смотрел на Хачека прямо-таки с ненавистью.

– И ни одного повреждения из двадцати трех (твою мать!), которое могло бы явиться причиной смерти, ты не нашел? И поэтому тебе нужны дополнительные экспертизы? – Дальше со стороны Хачмамедова последовала такая непечатная тирада, что Саша, вынужденно слушая начальника, даже удивился. А удивившись, вдруг успокоился, без приглашения подвинул к себе стул и сел сбоку от хачмамедовского стола.

– Послушайте, Владимир Александрович, я ведь не дурак...

Но в институтском своем кабинете проректор Павел Владимирович о делах, творящихся в экспертизе, знать не знал. И поэтому упорно продолжал расписывать преимущества судебной медицины.

– Мне этот предмет знаком весьма поверхностно. – Лена старалась говорить аргументированно, сосредоточенно и веско, но выходило почему-то жалобно. Она сама это чувствовала, но изменить тон не могла – уж больно велико было ее разочарование. Готовилась к одному, а получилось... – Три года назад вы посылали меня учиться в очную аспирантуру по специальности «Глазные болезни». – Никогда, ни на одном экзамене в жизни Лена так не волновалась, как теперь. – А сейчас, когда я вернулась после аспирантуры, оказывается, что меня никто нигде не ждет. Но ведь одним из условий моего обучения было возвращение именно на кафедру офтальмологии...

– Елена Николаевна, еще раз вам повторяю. Вы должны были вернуться на кафедру не по конкурсу, а по замещению должности. Вместо ушедшей в декретный отпуск ассистентки Петровой. Ну кто же знал, что Петрова в декретный отпуск не уйдет?

– А почему она не ушла?

– Ну что за глупый вопрос... – Павел Владимирович почувствовал раздражение. – Откуда я знаю? Может, бабушку из деревни выписала с ребенком сидеть. Может, место свое боится потерять. Ну поймите, не могу же я вас посадить ей на голову? И уволить ее не могу. Петрова – кормящая мать. – Проректор сделал паузу и нетерпеливо забарабанил обеими руками по блестящей поверхности стола.

Лена зажмурила веки и отчетливо представила: три года аспирантуры коту под хвост, диссертация ее никому не нужна, в институт ее не возьмут, она пойдет работать в поликлинику. Очередь на прием тянется от регистратуры в два этажа, больные ругаются, денег нет.

Две слезинки капнули на платочек.

– Елена Николаевна! – крикнул проректор. – Что это такое? – Он рассерженно стукнул ладонью по столу. – Хватит реветь, как проштрафившаяся студентка! Вы сами теперь преподаватель. Выбирайте из трех – и немедленно. Не задерживайте меня! Вакансии есть на кафедрах: нормальной анатомии, микробиологии и судебной медицины.

Слезы потекли быстрее.

– Или пишите заявление, что будете трудоустраиваться сами вне нашего института. – Пухлая рука с редкими волосками протянула ей через стол чистый лист бумаги. Манжета рубашки была скреплена золотой запонкой.

– А вы... вы... все-таки, Павел Владимирович, что мне посоветуете? Может, лучше на микробиологию? – Девушка легонько шмыгнула носом и вытерла с обеих щек слезы ладонями.

Проректор к бумаге добавил шариковую ручку.

– Лена! Послушайте меня. Я вам честно скажу, – в его голосе прорезались наконец-то живые нотки. – На судебке интереснее, чем на микре, вы мне поверьте!..

Володя Хачмамедов, по всей вероятности, тоже когда-то считал, что на «судебке» интереснее, чем где-либо еще. Но в данный момент это сакраментальное «интересно – не интересно» его волновало мало.

– Значит, получается, – обеими руками он оперся о стол и уже весь багровый подался к Саше, – что все эти двадцать три повреждения царапинами, что ли, были?

– Нет, не царапинами. Но ни одной раны, проникающей хоть в какую-нибудь полость – брюшную, грудную, сердечную, черепную коробку или повредившей хоть сколько-нибудь крупный сосуд, я не нашел. Нет нигде ранений жизненно важных органов. Ну нет, и все. Не могу же я их выдумать? Вот такой вот случай. – Саша откинулся на спинку стула и задрал одну ногу на другую. И удивительно, что вот этот Сашин тон вдруг отрезвляюще подействовал и на начальника. Хачмамедов отвернулся, опять повел шеей и посмотрел в окно, размышляя. Потом перевел взгляд на Сашу. Он уже не злился, он думал. И это замечательным образом преобразило его – он перестал походить на грубого, безобразного кривляку, а превратился в усталого человека лет пятидесяти. В прошлом спортсмена и бабника в одном лице.

– Не может быть, – сказал Хачмамедов. – Двадцать три раны – и ни одного кровотечения?

– Не верите – сами протокол посмотрите. Думаете, я зря четыре часа, согнувшись, корпел? И этому крестину из прокуратуры я то же самое сказал: диагноз могу выставить пока только предварительный. И свидетельство родственникам выпишу без причины смерти. Пока не получу данные дополнительных экспертиз.

– А какой предварительный диагноз-то собираешься написать? – Хачмамедов поморщился и снова сильно крутанул головой. И Саша вдруг услышал, как хрустнули у него позвонки где-то в шее. И Саша подумал, что у Хачека, наверное, сильнейший остеохондроз.

И боли. Поэтому он и крутит все время плечами. Саша помолчал, дожевывая жвачку. Орать больше не хотелось.

– Ничего пока не остается, как написать «О.К.Н. И.Б.С.», – тихо сказал он. – Как бы кто к этому диагнозу ни отнесся.

– Ты что, охренел? – Но и Хачек уже говорил не так, как раньше. Не орал, а как бы раздумывал вместе с Сашей. – У парня двадцать три раны, а ты напишешь «Острая коронарная недостаточность на фоне ишемической болезни сердца»? Родственники подадут на нас в суд за издевательство и глумление над трупом. Обратятся в Международный трибунал.

– Но если я не знаю, отчего хоронить этого парня? – Саша наконец вытащил руки из карманов и подался поближе к Хачмамедову. – Вы не волнуйтесь пока насчет трибунала. Я уже отослал материал по лабораториям. Дня через два придут первые результаты. Может, у этого парня в крови алкоголя больше пяти промиллей? Тогда напишем «отравление алкоголем». Или химики наркоту какую-нибудь обнаружат...

– Тогда напишешь – отравление наркотическим веществом, – иронически посмотрел на Сашу начальник. – А двадцать три раны – на хрен.

– А что? Самый благополучный вариант. И никто прицепиться не сможет. В крайнем случае гистологи есть. Их заключения, правда, дольше всех ждать. Но пока они куски тканей в микроскоп разглядывают, эксперты физикотехники кожей будут заниматься. Я же недаром раны эти вырезал. Все двадцать три на картонки разложил. Туда-сюда, оперативники тем временем какие-нибудь колюще-режущие предметы подвезут. Ножички кухонные или перочинные, стекла бутылочные, кинжальчики бутафорские... А может, и меч настоящий откуда-нибудь ухватят. Там в этой дискотеке рыцарь с мечом в вестибюле стоит.

– А ты там был, что ли? – с интересом посмотрел на Сашу Хачмамедов.

– Ну, был пару раз. Лет семь назад. Опера любят физикотехников всякой дрянью заваливать. Пока все эти экспертизы проведем – работы на полгода хватит. Там, глядишь, все успокоятся. Ну, кроме родителей, конечно. Но им-то уже ничем не поможешь...

Саша не зря это все говорил. Хачмамедов любил, когда эксперты его утешали. Он обо-жал в трудных случаях строить из себя такого старенького глупенького дедушку и доби-вался, чтобы его парни сами ему все разжевывали. Наконец, когда всем уже все досконально становилось ясно и все и без него уже понимали, что нужно делать, он все равно все реше-ния принимал сам. И отдавал окончательный приказ самым безапелляционным тоном. Но до этого момента любил попритворяться, пошутить, поерничать – в общем, выделялся, как мог. Многие сначала злились на него за это, но потом все равно убеждались, что прак-тически всегда начальник оказывался прав.

Сейчас Хачмамедов молчал, пережевывал спичку крепкими квадратными зубами. Наконец перекусил ее и вынул изо рта.

– А что все-таки следователь говорит? Каковы обстоятельства дела?

– Да он ничего не говорит. В постановлении на производство экспертизы написано: труп обнаружен на парковке у ночного клуба «Алмаз». И все. Оперативники там работают.

– А давай вот что сделаем, – вдруг хитренько посмотрел на Сашу Хачмамедов. – Если родственники все-таки напишут жалобу, а я в этом почти не сомневаюсь, мы создадим комис-сионную экспертизу. И кроме наших специалистов, привлечем еще крупного ученого Петю Рябинкина.

– Его-то зачем?

– А Петя тут вчера передо мной шибко умничал. Говорил, что у нас устаревшие методы работы и мы не используем последние достижения науки. Вот пусть и подключит последние достижения науки к этому случаю. А то грубить много стал.

– Подключайте кого хотите, – Саша безразлично относился к Рябинкину. – Так я пойду?

– Свободен. Пока. – Это была глупая, но любимая шутка Хачека. Саша встал и вышел из кабинета. Уже в коридоре он все-таки выплюнул прямо на пол надоевшую жвачку и решил, что должен сейчас выпить чего-нибудь покрепче. И он отправился к себе, в комнату экспертов.

А вот разговор в кабинете Павла Владимировича Быстрякина к этому времени еще не достиг своего логического завершения.

– Можно спросить, кто сейчас заведует кафедрой судебной медицины? – Лена уже поняла, что решение все равно будет принято не в ее пользу, и заколебалась. Она не хотела идти на «судебку», но в поликлинике не хотела работать еще больше. – Тот, у которого я училась пять лет назад, был, как бы это сказать помягче, неинтересный.

– Новый там сейчас заведующий, – успокоил ее проректор. – Недавно прошел по конкурсу. Ты у него учиться не могла. Кандидат наук. И, между прочим, с почти готовой докторской.

– А... Как его фамилия?

– Фамилия – Рябинкин. Зовут – Петр Сергеевич. – Быстрякин вытер салфеткой пот со лба, хотя было не жарко. – Молодой. Не женатый. – Проректор взглянул на часы. – Пишите заявление, Елена Николаевна. Вы меня задерживаете, я тороплюсь.

Лена еще немного помяла платочек, потом в кабинете раздался глубокий прерывистый вздох, и на чистом листе бумаги появилась надпись мелким каллиграфическим почерком:

Прошу зачислить меня на работу в должности ассистента кафедры судебной медицины...

– Все. Теперь в отдел кадров, – с облегчением Павел Владимирович поставил на листе свою разухабистую подпись. – С завтрашнего дня – на работу. На пятом курсе занятия начнутся с первого сентября. – Его рука перелистнула две странички настольного календаря. – У вас есть еще два дня, чтобы войти в курс дела. Кафедра находится в помещении Бюро судебно-медицинской экспертизы. Ну вы, наверное, помните, они никуда не переезжали. В общем, желаю успехов.

– До свидания, Павел Владимирович.

Проректор тяжелым взглядом проводил Ленину узкую спину. Рыжие волосы загорелись в ответ проникшему из окна солнечному лучу. Тонкие ноги в черных колготках протопали каблучками к двери. Дверь закрылась. Проректор встал и с мрачным видом подошел к зеркалу. Оттянул указательными пальцами нижние веки, оглядел изнутри слизистую оболочку, поморщился и стал собирать на столе бумаги. Снял с аппарата телефонную трубку – хотел позвонить на кафедру судебной медицины, но передумал, решил, что Пете позвонят из отдела кадров. Непокорно у него все-таки было на душе. Не исключено, что эта новоявленная ассистентка через пару дней прибежит к нему снова. Ну тогда он отправит ее на микробиологию. Или еще того хуже – может скоренько отправиться в декрет. Павел Владимирович с раздражением пожевал губами. На судебной медицине чуть не каждый год с кадрами был провал. Вот и сейчас – кроме Рябинкина, два совместителя. Понятное дело, в Бюро зарплата в несколько раз выше. Что и говорить, кафедра запущена до безобразия. Как-то не идет на ней учебный процесс. Чуть не с сожалением он вспомнил, как всплакнула перед ним Лена. И эта уйдет, как осмотрится. А может, все и обойдется? Привыкнет, сработается... Девчонка она, в общем-то, не глупая, хоть и сопливая.

Быстрякин Лену отчетливо помнил. На третьем курсе она получила какую-то всероссийскую премию за студенческую работу в философском кружке, и он ей вручал эту премию в торжественной обстановке. Кажется, это происходило на сцене в областном драматическом театре.

Он уложил бумаги в портфель и с недоумением покачал головой. А уходя, на прощание опять с неудовольствием поглядел в зеркало на свое отекавшее лицо и пробурчал сердито:

– Надо же! В философском!

2

Лена вышла из кабинета проректора и пошла по коридору к выходу из начальственного отсека. Учебную часть первого курса осаждали студенты. Лена наклонила голову и быстро пошла мимо, чтобы ее не заметили. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как она тут бежит с заплаканными глазами.

Приемная комиссия заканчивала свою ежегодную работу. Секретарши вывешивали списки зачисленных студентов. Со стороны входных дверей доносился неясный гул. Недовольные родители рвались вместе со своими чадами в направлении кабинета ректора. Лена скосила глаза в ту сторону. То же самое было и когда она поступала.

Охранники одним загораживали дорогу, у других спрашивали документы и сверялись с какими-то бумажками. Лена прошла к деканату пятого курса. К нему относится ее новая кафедра. Ну спрашивается, разве такой поворот можно было ожидать? Лена вздохнула и остановилась возле стендов с расписанием. Никого не было вокруг нее. Ничего удивительного, на пятом курсе народ уже ушлый. Многие работают, многие еще не приехали. Большинство вообще узнает расписание по Интернету. Это не первачки, которые с трепетом идут на первое занятие по анатомии. Да и потом, что это за предмет такой, прости господи, судебная медицина? Они эту судебку и за науку не считали. И работали на ней одни му...ки. Лена поискала расписание занятий по их кафедре. Стенд был пуст, и за стеклом белели чистые листы. Она скорчила презрительную гримаску – до первого сентября два дня, а расписания еще нет. Конечно, му...ки. А сколько занятий было у них? Она попыталась вспомнить. Кажется, два цикла, по одному в семестр. А цикл – две недели. В голове вдруг всплыла какая-то «реборда железнодорожного колеса». Какая реборда, откуда? Зачем она была важна?

У Лены даже голова вспухла от этих мыслей. Родной институт, называется. Какого черта она сюда вернулась? Она вспомнила Москву – съемную квартиру, за которую платила мама, научную руководительницу, абсолютно безразличную к Лене. А чего интересоваться? Одна из многих, приехала издалека, денег за руководство диссертацией не предлагала, ковырялась себе в теме и ковырялась. Тема хорошая, но в Москве таких аспиранточек – пруд пруди. Защитилась в срок – и ладно. Лишняя диссертация руководительнице в копилку. В завершение дурацкий банкет и куча израсходованных денег...

Лена вышла на институтское крыльцо. Знакомый пыльный бульвар простирался перед ней в обе стороны. Пятьдесят метров по нему вверх – площадь и набережная. Километра полтора вниз – пешеходная зона. Толпы студентов снуют туда-сюда. Что Москва? Не так она уж и далеко. Сутки на поезде, час пятьдесят на самолете. Только никому она в Москве не нужна. Все надежды были связаны с возвращением сюда. В родной институт, на кафедру. И вот... Лена засунула глубоко в сумку мокрый платок, сбежала по ступенькам. Куда теперь?

Домой не хотелось. Лена пошла в сторону набережной. Институт стоял почти на самом берегу когда-то всерьез судоходной мощной реки. Теперь вместо пароходов ходят по ней только моторки да прогулочные катера. Вымощенная мостовая бульвара белеет в своем окончании небольшой полукруглой площадью. Августовское солнце веселит пузатые, перетянутые в талии бутылочки каменной балюстрады. Поверху перила – тоже белые, каменные, широкие. За балюстрадой далеко внизу на другом берегу – парк, а перед ним – лента воды. Лена вспомнила, как удобно было ставить на эти перила банки с пивом и пепси-колой, раскладывать на пакетах жирные беяши из студенческой столовой. Она подошла, шлепнула на перила сумочку, достала телефон.

– Мам, ты где?

– Я задерживаюсь. А ты дома?

– Нет. Только что вышла от проректора.

– Все в порядке?

– Долго объяснять... Если ты еще на работе, давай я к тебе приеду? Мне надо посоветоваться.

– Это срочно?

Лена подумала. Ну, в принципе, уже нет. И действительно, что она как маленькая? Чуть что – сразу к маме.

– Нет, можно подождать до вечера.

Мать сказала:

– Я хотела сделать тебе сюрприз. Приеду домой часа через два.

– Мне сегодня уже сделали один сюрприз.

– Так что, мне приехать?!

– Нет-нет. – Лена помотала головой. – Вечером можем поговорить. Пока!

Она спрятала телефон, развернулась спиной к реке, прислонилась к перилам. Вот он, перед ней – медицинский университет. Громада из трех теоретических корпусов. Клинические кафедры по больницам. Кажется, что главный корпус выступает вдоль бульвара вперед. Это из-за огромной лоджии с колоннами. Сколько раз они с ребятами прятались здесь под ее широкой крышей от дождя, от снега, от палящего солнца. Три года прошло после выпускного вечера. Ребята теперь уже специалисты. Некоторые заматерели – не подступись. В бюджетную аспирантуру с их факультета попала она одна. И вот итог: с диссертацией, но на нуле. Начинать все сначала. Не на конкурс же через «Медицинскую газету», в самом деле, подавать?

Лена едва подавила в себе желание тут же съездить на свою новую кафедру. Зачем? Завтра придет на работу и все увидит. Только ехать придется черт знает куда. Кафедра глазных болезней – та в центре города, при хорошей больнице, где собраны лучшие клиники университета. Кафедра судебной медицины – у черта на куличках, в «Тополях» – самом старом районе, на территории бывшего лепрозория. Господи, куда ты занес меня?

Она опять повернулась к университету спиной. Она и так все знает, чего на него смотреть? Теоретические корпуса занимают целый квартал. Внутри территории – парк. Два раза в год в парке устраивают бал. В конце июня по случаю выпуска, а в сентябре – по случаю приема. К деревьям привешивают китайские фонарики, внутрь вставляют лампочки. Фонарики горят всю ночь, в фойе главного корпуса гремит музыка, в самой большой аудитории студенческий театр выдает свой традиционный спектакль. А студенты – выпускающиеся или, наоборот, только что принятые, сидят в парке под деревьями на деревянных скамейках за деревянными столиками и пьют. Выпускники – с радости, что окончили институт. Поступившие – от страха неизвестности, что их ждет впереди. Три года назад, когда выпускали их курс, на ней было очень красивое платье. Ярко-синее. Оно и сейчас висит в шкафу. Кстати, завтра его можно надеть.

Лена посмотрела на часы. Ровно четыре. А может, надо было все-таки съездить на судебку, прежде чем соглашаться? Поговорить с заведующим? Вообще-то так и принято, прежде чем устраиваться на работу... Она уже ругала себя, что не сообразила вовремя. А теперь куда ехать? Рабочий день уже подходит к концу...

* * *

И, в общем, Лена сделала правильно, что осталась наслаждаться солнцем на набережной. На кафедре все равно уже никого не было. Заведующий Рябинкин еще с утра умотался куда-то по каким-то делам. А Ленин визит все равно ничего бы не изменил. Быстрякин ведь недаром предложил ей именно эту кафедру. И согласие Рябинкина на Ленину кандидатуру

ему не требовалось. При дефиците преподавателей сразу на две ассистентские ставки Петр Сергеевич обязан был взять черта, не говоря уж об отличнице Лене.

И в самом Бюро в танаталогическом отделении, что располагалось на первом этаже, сейчас была тишь да гладь. «Случаев» – как называли эксперты по-свойски объекты судебно-медицинского исследования, в этот день было немного. Санитары уже вымыли обе секционные, уборщицы – полы в коридорах и теперь уселись чаевничать в комнатке под лестницей, употребляя к чаю, а часто и вместо него, чистый спирт, который в Бюро полагался всем – на обработку рук, инструментов и оборудования.

Хачмамедов уехал тоже. В комнате экспертов дремал на диване от скуки, закрыв лицо газетой «Аргументы и факты», дежурный эксперт Витя Извеков – мужчина рыхлый, флегматичный, лет сорока. Да еще Саша Попов, совершенно обалдевший за сегодняшний день, тупо наблюдал какую-то передачу по телевизору возле внутреннего телефона.

– Чего домой не идешь? – вдруг хрипло спросил внезапно пробудившийся от какого-то громкого выкрика из телевизора Извеков. Саша посмотрел на него – волосы всклокочены, газета измята, а в середине газетного листа вырезаны две дырки – для воздуха.

– Заключение от химиков жду. Телефон, что ли, не работает? – Саша приподнял трубку внутреннего телефона и прислушался к гудку. – Нет, работает. – Он разочарованно положил трубку на место.

– Так иди, сам сходи к ним на третий этаж.

– Я уже два раза ходил.

– И чего?

– Ничего. Разорались, что не могут ускорить химические процессы по моему желанию.

– У нас всегда все орут. Иди домой. Позвонишь им из дома.

– Я тебе что, мешаю?

– Мешаешь.

– А что ты делаешь?

– Сплю. Сейчас не выплюсь, ночью не дадут. – Дежурный повалился назад на спинку дивана, шлепнул газету на лицо и через минуту захрапел.

Тренькнул телефон. Саша взял трубку:

– Да, это я.

– Вы за заключением подниметесь или по телефону продиктовать? – ядовито прошипел голос лаборантки из химического отделения.

– Я уж набегался к вам сегодня. Диктуйте.

В трубке послышался шелест переворачиваемых страниц.

– Вы слушаете? – Лаборантка сильно шепелявила. Саша хорошо ее себе представлял. Она была уже в возрасте, но на передних зубах у нее стояла пластинка, как у маленькой девочки, и поэтому при разговоре изо рта часто брызгала слюна.

– Ну читайте же!

– Заключение. «В крови и моче от трупа Сергеева А. Л., 1993 года рождения, алкоголя не обнаружено».

Саша даже не удивился. Он это и подозревал. Хачеку, правда, он об этом не говорил, но сам-то хорошо помнил. Запаха алкоголя от трупа не было.

– Это все?

– Ссе-е-е, – как показалось, ехидно прошелестела трубка.

– А содержание наркотических веществ? Неизвестных ядов?

– Не с-с-се вам сразу. – В трубке хихикнули на прощание и дали отбой.

Дежуривший коллега перестал храпеть, приподнял газету и посмотрел на Сашу.

– Обнаружили?

– Пусто.

– У меня, когда я только начинал работать, такой же случай был – семьдесят колото-резаных.

– Семьдесят? – не поверил Саша. – Ни фиги себе!

– Да. И тоже все непроникающие.

– Как же ты их описывал? Целый день, что ли?

– Ой, такая была х... Вручную. Тогда еще компьютеров даже не было. Пачку бумаги исписал. Весь изматерился.

– А отчего ты этот свой случай похоронил?

– Это женщина была. Ее муж ножом истыкал. Из ревности. Она еще сутки после этих ранений жила. Этот ревнивец ее сам в больницу и отвез. Причиной смерти я написал острое малокровие.

– Повезло, – сказал Саша. – При больничной смерти всегда есть отчего похоронить. А в моем случае и кровопотеря-то небольшая. Резаных ран практически нет. Много колотых, но неглубоких. Хрен знает, чем были нанесены. Будто курицу чесноком хотели нафаршировать. И несколько ран – колото-резаных. Скорее всего, от ножа. Один край тупой, как от обушка, а второй острый. От лезвия.

– Ты там внимательней смотри, – зевнул Извеков. – Могут и стамеской тонкой истыкать. Тогда лучше написать «колото-рубленые». Края ран надо хорошо соединять. И если будет дефект ткани – отлично. От ножа-то не бывает. А стамеску проще искать. Менты тебе за такой вывод будут очень благодарны. Может, даже коньячком попоят.

– Ни фиги не стамеска. – У Саши эти раны будто застыли в памяти. – Я края каждой раны проверял. Соединяются почти в линейку. Все-таки это был нож. Или ножи. А вот на плече две раны маленькие – как от ножничек с разведенными браншами, типа маникюрных. Но могут быть и просто две раны рядом, как совпадение. С разнонаправленными раневыми каналами.

Со стороны дивана опять послышался храп. Саша посмотрел на Извекова, взял свою сумку и, стараясь не шуметь, направился к двери.

– Эй! – вдруг сдул с лица газету Виктор. Саша обернулся. – А парень-то был жив, когда его тыкали? Ты сказал – раны в линейку... Может, посмертные? Тогда вообще все очень просто. Умер от ИБС, и все эти раны похерить.

– Господи, да спи ты! – Саша поморщился. – Умные все пошли... Что же я, по-твоему, прижизненную рану от посмертной не отличу? На крайний случай гистологи есть.

– Надоел ты со своими ранами. – Извеков снова закрыл лицо газетой. – Телик выключи, когда будешь уходить.

Саша выключил и прислушался. Храпа не было, но из-под газеты раздавалось недовольное сопение. Тогда Саша на цыпочках подкрался к Извекову и громко щелкнул по газете. После этого, не дожидаясь от Виктора тумака, он быстро выскочил из комнаты и поехал домой. И настроение у него почему-то стало уже не таким плохим.

* * *

С обоих краев полукруглой площади, на которой стояла Лена, вниз к реке, раздваиваясь, сбегала огромная белая лестница. К середине спуска оба пролета сходились на широкой смотровой террасе. Сверху было, конечно, не видать, но Лена знала – там, внутри террасы, пещера с колоннами, чтоб прятаться от дождя – что тебе Москва, Александровский сад, что тебе Гауди, парк Гуэль. До революции здесь фотографировались дамы с зонтиками от солнца и кавалеры с террасы рассматривали противоположный берег в бинокли. Теперь на террасе разместился холодильник с мороженым и пара стульев под зонтиком с логотипом кока-колы. С террасы к воде лестница спускалась уже единым маршем. И прямо от ее нижнего

конца начинался пешеходный мост через реку. Длинный, светло-серый на четырех высоких столбах-башнях и толстых металлических тросах. Люди сверху, с балюстрады, казались на мосту игрушечными. На другой стороне реки – остров. Парк культуры и отдыха, пешеходная зона. Колесо обозрения – круглый глаз с велосипедными спицами и блестящий самолет «Ту-134», поставленный напротив моста на постамент. В глубь острова идут асфальтированные дорожки. Зимой они превращаются в лыжни. А еще дальше – медленные воды старицы, а потом опять город. Его южная часть. И над всем этим – над быстро бегущей водой, над светлым мостом, над лестницей с террасой, над начинающими желтеть круглыми кронами островных дубов – огромный монумент, памятник социалистическому реализму. Вот уже лет пятьдесят многие поколения студентов называют его «Писающий летчик». Персонаж – герой, орденосец, действительно летчик, поставивший не один мировой рекорд в авиации и героически погибший перед самой войной в своем самолете. Но идея поставить на площади памятник человеку высотой с пятиэтажный дом, да еще в такой интересной позе – огромная рука наискосок входит в карман теплых полярных штанов, и одна нога в меховом сапоге по-балетному выставлена вперед, – эта идея под стать и результату, и прозвищу. С любой стороны площади и даже снизу, с обоих берегов этот образец монументального искусства вызывает впечатление неизменно комическое – полярник-герой пристроился справить малую нужду со своего постамента аккуратно прямо в реку. Каждый год в праздничную ночь посвящения в студенты около Летчика совершается языческий ритуал. Ровно в полночь вновь обращенные мужского пола окружают памятник и... щедро орошают разбитые по периметру постамента клумбы. Сейчас на эту традицию городские и институтские власти внимание уже не обращают, тем более что растения от этого сильно не портятся. Но перед днем посвящения из уст в уста передаются страшные рассказы о том, что в тот год, когда у власти был Андропов, тридцать или пятьдесят вновь принятых студентов были отчислены за этот акт вандализма, якобы несовместимый с высоким званием студента-медика. И это придает банальному групповому обряду атмосферу чего-то очень таинственного, желанного и запретного.

Лена взяла с перил свою сумку и пошла через площадь на противоположную сторону. На парковке у памятника (в выходные дни здесь останавливаются свадебные кортежи – шампанское, тюль, работа фотографам) сгрудились передними бамперами три черных внедорожника. Лена взглянула равнодушно на мужчин, стоящих возле этих машин, и вдруг в глаза ей бросился спортивный костюм одного из них. Красные трикотажные штаны и белая легкая куртка, накинутая на плечи. На белом поле заковыристый узор – символ то ли жар-птицы, то ли красного петуха. В точно таких же костюмах наши олимпийцы щеголяли на последней зимней Олимпиаде. Лене этот узор вбил в голову потому, что она видела, как после Олимпиады продавали такие костюмы на Красной площади возле катка. Ей показалось в этом что-то унижающее олимпийцев – они так стараются, тратят жизнь, чтобы пройти в этих костюмах по олимпийскому стадиону, а тут любой, кто имеет деньги, может купить и на себя напялить. И даже прокатиться в этом костюме по Красной площади, как корова. В общем, Лена неодобрительно покосилась на бело-красную спину. Над яркой надписью «Россия» загаром пламенела мощная шея. А на шее сидела небольшая коротко стриженная светловолосая голова. Голова была наклонена вперед и немного тряслась, как будто мужчина грыз семечки и сплевывал шелуху прямо на мостовую. Лена больше повернула голову. Нет, мужчина грыз не семечки, а свой собственный палец. То ли ноготь у него обломался, то ли заусеницу зубами отковыривал. Лена еще увидела голубую татуировку – по букве на каждом пальце. Фу, татуировки она вообще терпеть не могла.

Тут же забыв об обладателе олимпийского костюма, она перешла через площадь и подошла к маленькому кафе, как бы случайно прилепившемуся к боку другого монументального здания, уже на другой стороне бульвара.

Здесь как раз располагался главный корпус извечного конкурента студентов-медиков на ниве образования – педагогический университет. Волею бывшего когда-то руководителя области эти два вуза вечно были друг у друга бельмом на глазу. Впрочем, для абитуриентов в этом соседстве намечалось и определенное удобство. Не надо было далеко ехать, чтобы перетащить документы из одной приемной комиссии в другую. И в процессе обучения немало будущих педагогов повыходили замуж за будущих эскулапов. К вящему неудовольствию студенток в белых халатах.

Так вот, сбоку этой обители педагогической науки прилепилось совсем с ней не гармонирующее маленькое стеклянное кафе под названием «Минутка». И не гармонировало оно ни с обоими монументальными зданиями университетов, ни с полукруглой площадью, ни с «писавшим летчиком». Но Лена помнила это кафе уже примерно лет двадцать. То есть почти с того возраста, когда начала себя помнить. Стойка самообслуживания, салаты из вареной свеклы, огурцы со сметаной, сосиски с хлебом, растворимый кофе и мороженое в металлических круглых вазочках – в этом заключался весь нехитрый, давно знакомый Лене ассортимент. Кафе это посещали в основном не студенты. Студенты питались в институтских столовках. По сути, оно было предназначено для экскурсантов, которых привозили на туристических автобусах полюбоваться набережной как одной из самых главных достопримечательностей города. Люди выходили из автобусов, фотографировались возле Летчика, спускались по лестнице вниз на самый берег и там осматривали еще одну редкость – настоящую действующую детскую железную дорогу. Потом они поднимались обратно и вот тут-то как раз и становилось необходимым маленькое кафе. В дни, когда экскурсантов подвозили особенно активно, в нем всегда образовывались очереди. Лене давно было на экскурсии наплевать, но сидеть в кафе она любила. Потому что с самого раннего детства и почти до студенческих лет она ходила сюда с отцом. Летом он всегда покупал ей мороженое – мама говорила, что, сидя в кафе, есть мороженое из вазочек безопаснее для горла, чем, торопясь, лизать на улице. Если не работал детский сад, отец брал Лену с собой на работу на целый день. Тогда они обедали в институтской столовой в специальном зале для преподавателей, где были официантки в белых передничках, как в ресторане, но мороженое обязательно ели в «Минутке». Ну и смешно же называлась работа отца – кафедра истории Древнего мира.

Лена маленькой спрашивала его:

– Пап, а ты на кафедре кто?

– Профессор.

– А это важная работа?

– Важная.

– А мама тоже профессор?

– Нет, мама врач. Но она очень хороший врач.

– А ты хороший профессор?

– Надеюсь, что да.

– А что важнее?

Отец смеялся:

– Не знаю. Можно быть и врачом, и профессором.

Первые три года учебы в институте она иногда перебежала через площадь и врвалась к отцу на кафедру.

– У меня перерыв!

– А у меня, к сожалению, нет. Через пять минут лекция. – Расписание в институтах не совпадало.

– Ну ладно. Тогда я убегаю.

– Ты уже поела?

– Да! Вместе с ребятами. В столовке.

И они ходили в «Минутку» все реже.

– Ты когда домой вернешься, Леночка?

– Пап, у меня куча дел.

– Ох, и деловая ты у меня.

– А как же!..

Лена взяла с витрины вазочку с политым шоколадом мороженым, расплатилась у кассы и села к пыльному во всю стену окну. Никого, кроме кассирши, в небольшом зальчике больше не было. Административный корпус ее собственного института был перед Леной через дорогу. Черные машины у памятника разъезжались.

Куда же они едут? – вдруг пришло ей в голову. Ведь бульвар – пешеходная зона. Две машины свернули в проулок между набережной и университетом, а третья, самая большая, включила мигалку и довольно быстро стала продвигаться по тротуару вперед. Испуганные люди шарахались от нее в сторону. За рулем сидел человек в той самой олимпийской куртке.

Лена меланхолично подцепляла мороженое на край ложки, не торопясь отправляла в рот. Приятно все-таки жить в центре города. Вот и сейчас она никуда не торопится – до дома пешком не больше пятнадцати минут. Не то что в Москве. От ее съемной однушки в любом направлении – полтора часа. А здесь – большая квартира, работа в институте. Да и сам город ей нравится. Не такой огромный, как столица, но все в нем есть – и магазины, и театры, и климат хороший. Приятно сознавать, что тебе во многом все-таки повезло. Папы вот только нет. Ни у кого из ее подруг не было такого замечательного отца.

Нет, я правильно сделала, что вернулась сюда. Лена доскребла мороженое из металлической вазочки. Но, может, действительно лучше было бы выбрать микробиологию? Она вспомнила бесконечные штаммы разных видов микробов, пробирки и чашки Петри, спиртовки, петли для посева культуры – все эти никогда не интересовавшие ее принадлежности для лабораторных занятий. Заниматься этим всю жизнь? Она передернулась. Хрен редьки не слаще. Судебка так судебка. Надо попробовать. Интересно все-таки, что скажет мама? Лена опять взглянула на часы и встала. Еще по дороге надо хлеба купить. И на углу возле их дома торгуют арбузами. В Москве таких арбузов нет. Все привозные, лежалые. А здесь – только что сорванные, полосатые, с огромных бахчей. Если и везут, то не дальше чем за сто километров. Решено. Сегодня она купит арбуз. Она вышла из стекляшки и пошла по бульвару, в который уже раз за эти несколько дней после приезда наслаждаясь последним теплом сухого позднего лета.

* * *

Саша Попов подъехал к своему дому. Во дворе задрал голову – на пятом этаже хрущевки в кухне горел свет, хотя еще было светло. Батя, наверное, ужин готовит. Он в темноте не любит возиться. И видит плохо. Саша поднялся по лестнице, своим ключом открыл дверь.

– Батя, привет.

– Пиво будешь? – Хриплый с сухим надрывом кашля голос отца из кухни.

– А ты – уже?

– Еще пока нет. Жду тебя. У нас сегодня жареная картошка. Соленые огурцы и, если не боишься в такую жару, – сало.

– Нет, сало не хочу. Давай по пиву. – Саша взял со стола бутылку, посмотрел. «Жигулевское». Ну ладно. Пускай сегодня будет «Жигулевское». С полочки надо будет отцу что-нибудь получше купить.

Отец налил в два стакана. Саша смотрел, как отец, худой, жилистый, почти дочерна загорелый, трясущимися пальцами брал стакан, сдувал на край легкую пену и пил – жадными глотками, прикрыв глаза. Под раковиной уже стояли четыре пустые бутылки.

Наверное, вчера водку пил, подумал Саша. Оттого и домой с дачи не приезжал.

– Бать, ты на даче вчера ночевал? Телефон у тебя был выключен. Я беспокоился.

– Да-к, я картошку вчера копал. – Взгляд у отца сделался виноватый. – Всю выкопал. Один к одному, восемь мешков. Картошка хорошая в этом году уродилась. И проволочника не было. На зиму нам с тобой хватит.

Опять у отца этот тон, будто он всю жизнь крестьянином был.

– Бать, надо маме хоть пару мешков дать.

Отец схватился за сигареты.

– Пускай сама покупает. У нее теперь муж майонезный король. Она теперь в нас не нуждается...

– Бать, ну чего ты... Она ведь с ним уже давно разошлась.

– Разошлась, да другого нашла!

– Ну ты ведь лучше меня знаешь, что у мамы сейчас никого нет...

– Ой да пускай берет. Хоть всю пускай забирает! – Отец выскочил на балкон, стал там нервно курить. Саша положил себе картошки, взял малосольный огурчик. Огурец звонко хрустнул у него на зубах.

– Батя! – Саша вышел к отцу, встал в балконных дверях. – У меня к тебе вопрос один есть...

– Ну чего? – Отец еще сердито смотрел в его сторону.

– А вот пойдем поедим. Я тебе случай мой сегодняшний расскажу – ох и стремный же случай попался.

– Тогда давай еще по пиву.

– Давай.

И Саша, уплетая за обе щеки картошку, рассказал отцу, бывшему когда-то одним из самых лучших экспертов в Бюро, а одно время даже и начальником всей областной судебно-медицинской экспертизы, свой сегодняшний случай. Отец слушал внимательно, не перебивал.

– И вот ты знаешь, что меня еще смущает? – сказал в заключение Саша, когда уже и картошка была съедена подчистую, и выпито пиво. – Труп-то прислали как Сергеева А. Л. А парень на вид не славянин. С одной стороны, конечно, ясно, что не китаец. Но разрез глаз все-таки ближе к монголоидному типу. Волосы темные. Кожа смуглая. Не тянет он на Сергеева.

– А ты его сфотографировал?

– С-с-с-стеснительно! – передразнил Саша выговор той самой лаборантки из судебно-химического отделения.

– Ну так какая тебе разница? В описательной части отметить, что лицо монголоидного типа, укажи цвет глаз, волос, форму ушей, а там пусть следователь сличает – тот человек или не тот. И потом следователь родственников найдет – они-то своего опознают? В нашей местности каких только национальностей не намешано. Что с того, что фамилия русская? Может, у него мама грузинка.

– Ну может быть, – согласился Саша.

– А что касается причины смерти, то, когда нет проникающего ранения, определить ее действительно сложно. Грамотный адвокат попадется – он тебя в суде дураком запросто выставить сможет. И все дело развалит. И еще долго потом над тобой потешаться будет. С другой стороны, ты же понимаешь, что твое реноме зависит как раз от таких сложных случаев. Это тебе не ИБС все время вскрывать. Раз Хачек поручил тебе этот случай – значит, надо вывернуться наизнанку, а выводы написать так, чтобы комар носа не подточил. – Отец снова закурил, почесывая висок, но выражение лица у него было уже совсем другое. Задум-

чивое, а не злое, не нервное. Таким отца Саша любил. И уважал. Таким отец был, когда Саша еще студентом занимался на кафедре.

– Да кто его знает, пап, почему Хачек именно мне этот случай дал. Может, наоборот, зарыть меня хочет?

– Не думаю. Судя по твоему рассказу, зарыть он хочет этого нового заведующего кафедрой. Как ты его назвал? Рябинкин? Смешная фамилия. Наверное, чтобы сидел себе тихо у себя на четвертом этаже и не путался под ногами. Кстати, он у вас со студентами вскрывает?

– А он у нас только с лета. Еще студентов не было.

– А до него кафедральные вскрывали?

– Так у нас на кафедре наши же эксперты совмещали. Витя Извеков да еще один – Соболевский. А старый заведующий не вскрывал. Он пил по-черному. – Саша специально это сказал, глядя отцу прямо в лицо. Отец опустил глаза, помолчал. Саша видел, как сжались у отца челюсти. Потом дернулась у отца щека и мелко задрожала у виска жилка.

– Что, и Соболевский теперь на кафедре?

– Ну вроде да.

Отец подошел к окну, походил по кухне, сам с собой размышляя:

– Скорее всего, Хачек просто не хочет пускать нового человека в секционную. Лишние глаза. Хачек человек властный. Зачем ему еще кто-то в его владениях?

– Да, ты, наверное, прав.

И Саша уже в который раз подумал, что отец – очень умный и знающий человек. А строит из себя какого-то деревенского мужика специально. Как будто хочет назло что-то кому-то сделать. И пьет в последнее время слишком много. А когда раньше работал в Бюро – практически не пил. И вид у него был другой, и манеры другие. Это все из-за матери. Из-за ее ухода. А ведь отец сам с ней разошелся. Во время ее первого романа. Еще до всякого майонезного короля. А потом мать будто с ума сошла. С одним не получилось, с другим не получилось... Она уже кидалась на кого придется. Очень хотела снова выйти замуж. Как будто тоже хотела кому-то что-то доказать. Но Саша уверен – не разойдись тогда отец, мама сама не ушла бы из семьи.

Саша взял тарелки и понес мыть посуду. Конечно, мать намного моложе отца и красавица. А сейчас она живет одна. Саша бывает у нее. Но отец все равно слышать ничего не хочет о примирении. А ведь когда-то они работали вместе. Отец – главным экспертом области и начальником Бюро, а мать – экспертом-биологом в биологическом отделении. А потом – крак! Кому он нужен был, этот развод? Квартира была отличная – разменяли... Всю прекрасную обстановку продали...

Саша не знает, с кем у матери был первый роман. Да какая разница! Отца с тех пор будто подменили. Он и с работы уволился, потому что не мог находиться в том здании, где она оставалась работать. Вышел на пенсию. Пустился в свое огородничество. И мать из Бюро через год ушла. Саша не знает почему. Устроилась в школу. А Саша как раз тогда окончил интернатуру по судебной медицине. Он хотел быть экспертом. Чего ж им не быть, если отец – твой начальник. Не только над тобой, но и над всеми остальными. Над Хачеком, например. А кроме Бюро, работы в городе больше нет. А уезжать, с кем тогда будет отец? И куда? Саша еще в институте решил, что будет судебно-медицинским экспертом. Все говорили – у него хорошее будущее. Местный золотой мальчик. Оказывается, не все то золото, что блестит. Отец теперь проживает накопленные деньги. Мать прозябает на зарплату учителя. А он сам теперь работает у Хачека. У Саши сжалось сердце. Неужели это навсегда?

– Спасибо, батя. – Саша вытер тарелки и убрал их в шкаф. Аккуратно повесил полотенце.

– За что? – У отца опять болезненно задергалась щека. Морщины возле глаз обозначились глубже.

- За картошку и консультацию.
- Иди в свою комнату. Я сейчас хоккей буду смотреть. Ты хоккей не любишь.
- Бать!
- Ну чего?

Отец остановился на пороге кухни – старый, сутулый. И во взгляде его теперь всегда был вопрос. Он ведь не ожидал, что Саша захочет жить с ним, и теперь будто не верил, что сын не уйдет от него к матери.

- Бать, все будет хорошо. Вот увидишь.

* * *

В центре двора – четырехугольник, отгороженный невысоким деревянным бордюром. Здесь, в тени высоких акаций, режутся в карты и домино старики-пенсионеры. Сколько Лена себя помнит, они все режутся. И даже сейчас, когда весь мир изменился практически на глазах – появились компьютеры, айфоны, Интернет, – они все так же забивают «козла».

«Бездельники!» – проходя, скептически пожимала плечами мама.

«Каждому – свое», – спокойно отзывался отец. А идущая между родителями Лена думала про себя, что она-то уж никогда не будет так скучно проводить время, как эти старики.

Сзади раздался мягкий шелест шин. Лена обернулась. Тяжелый арбуз оттягивал руку. Мама подъехала! Серебристый «Ситроен» ловко славировал между припаркованных машин и пришвартовался к свободному месту. Мама открыла водительскую дверцу, высунула наружу стройную ногу и вслед за ногой появилась сама.

Рыжие волосы у матери – чуть темнее, чем у Лены, модно подстрижены и аккуратно уложены. Темно-красный костюм сидит отлично – не измят и не вытянут. Будто его владелица собралась в театр, а не работала в нем целый день в больнице.

- Мам, ты выглядишь, будто моя старшая сестра.

– Возьми пакет. – Мать достала с заднего сиденья объемистый пакет, передала Лене. Нет, все-таки под глазами у матери тени. И не от косметики. Видно, все-таки устала она за день.

- Что это?

- Это тебе. Мой сюрприз.

Лена заглянула внутрь. Что-то нежнейшее, бежевое, пушистое лежало в пакете, маскируясь под зверя.

- Мамочка!

– Примерь. Если не подойдет, поедem – поменяем. Но я думаю, подойдет. Я выбирала тщательно. Это тебе по случаю защиты.

– Мамочка! – Лена чуть не задохнулась от удовольствия. Пушистая короткая шубка была ее тайной мечтой. В Москве-то что, в Москве зимой не холодно. Можно всю зиму в куртке проходить. А в ее родном городе с ноября по март редко когда бывает меньше пятнадцати. Минус, естественно. Двадцать да двадцать пять – вот нормальная температура воздуха. Настоящая русская зима.

Они вошли в квартиру.

- Ну, надевай!

Лена не заставила себя долго ждать. Накинула шубку на летнее платье.

– Ну вот. – Мать оглядела ее со всех сторон, раскрутила около зеркала. – Будет теперь тебе в чем на работу ходить. Просто отлично!

При воспоминании о работе настроение у Лены потухло.

– Ой, мама! Такая история со мной получилась... – Лена прямо в шубе присела на диван и пересказала весь свой разговор с проректором. Только про то, что не выдержала – расплакалась у него прямо в кабинете, не упомянула, постеснялась.

– Однако... Хорошенькое дельце! – мама слушала Ленин рассказ и одновременно переодевалась. Накинула летний халатик без рукавов, подошла к Лене, села. – Ну и что же ты решила?

– А у меня, по сути, даже не было возможности что-то решать. Написала заявление, как продиктовал проректор. Завтра уже должна выйти на работу.

– Ничего себе, – нахмурилась мама. – Завтра на работу. Нет, надо по крайней мере что-то выяснить. Почему проректор так тебя встретил? – Она задумалась. – Как, ты говоришь, его фамилия?

– Быстрякин. Павел Владимирович. Ты его знаешь?

– Нет. Со мной такой точно не учился. Сколько ему лет?

– Лет пятьдесят, наверное. – Лена пожалала плечами. Во время беседы ей и в голову не пришло определять возраст проректора.

– Позвоню-ка я Таньке. – Мама пересела к круглому столику с телефоном и быстро набрала номер своей институтской подруги. – Мне кажется, ее муж должен был с этим Павлом вместе учиться. Во всяком случае, я что-то такое слышала.

В этом тоже была одна из приятных особенностей для Лены проживания в своем родном городе. В местном медицинском мире, в котором ее мама занимала совсем не последнюю должность – Светлана Петровна Крылова была заведующей гастроэнтерологическим отделением самой крупной городской больницы, – у них была масса знакомых. И в этом не было ничего необычного. Каждый год медицинский вуз извергал из горнила науки в ледяную воду практики восемьсот врачей с трех медицинских факультетов. И хоть город был не такой большой, как Москва, а область по размерам в три раза больше Московской, все равно доктора отлично знали друг друга. А кто не знал, мог все, что хотел, узнать через знакомых. Кто-то с кем-то учился, кто-то женился, кто-то вместе работал... И чуть не с пеленок из бывших студенческих, а потом врачебных семей по решению домашнего консилиума будущие поколения определялись на учебу снова в родную альма-матер, на площадь к «писавшему летчику». А куда еще? «Ну как не порадовать родному человечку» – это у нас актуально до сих пор. Юристы к юристам, гайшники к гайшникам, городское начальство своих детей выпасывает в столицах, а уж медицинский хлеб – он хоть и трудный, но тоже в большой степени семейственный. Если мама кардиолог, а папа хирург, куда бедному ребенку податься? Не в продавцы же? И не в математики.

– В судебную медицину, – про себя хмыкнула Лена.

Светлана Петровна поговорила и в задумчивости положила трубку.

– Танька пообещала перезвонить. С твоим Быстрякиным, оказывается, учился не ее муж, а его брат. Сейчас найдем какой-нибудь канал связи.

Они пошли в кухню. Мать открыла холодильник, достала из него кастрюльку с котлетами. Понюхала.

– Лен, котлеты еще вполне ничего. Сделаем салат? Огурцы, помидоры. По две котлетки с салатиком – как раз на ужин хватит.

– И арбуз на десерт.

Лена опять прошла перед зеркалом, полюбовалась на свою обновку. Потом сняла шубку, аккуратно повесила на плечики.

– Я сегодня в кафе была. В «Минутке». Мороженое ела. Там все по-старому. Точно так же, как когда мы с папой туда ходили.

Мать встала в проеме двери, посмотрела на Лену.

– Ты по папе скучаешь?

Лена подошла к ней, заглянула в лицо.

– Ты, наверное, обидишься, если я скажу, что нет.

Мать удивленно и даже как-то испуганно вскинула брови.

– Я сейчас поясню, – заторопилась Лена. – Я не скучаю по нему. Я даже не знаю, как это объяснить, но у меня такое чувство, будто я выросла, а папа остался где-то далеко в моем детстве. Бывает же так, что дети уезжают куда-нибудь в другую страну, а родители остаются. – Мама медленно присела к столу, стала нарезать помидоры. Лена помолчала. – Я знаю, что сказала бестактность. Но ведь муж – это, наверное, совершенно другое, не то что отец. Я как бы чувствую, что я – и твоя, и папина, и сама по себе... Меня ведь не было здесь, когда он... – Мать ничего не ответила. Лена наклонилась, поцеловала ее. – Ой, какой помидор красивый! Желтый, как лимон...

Зазвонил телефон. Мать кивнула в сторону комнаты:

– Возьми трубку. У меня руки мокрые.

Лена подскочила.

– Алло?

– Свет, это я. По поводу Быстрякина. Сашка сейчас ему перезвонил...

Как это забавно, что Лену опять спутали с мамой!

– Тетя Тань, я маму сейчас позову.

– Ой, Леночка, как у вас голоса похожи! Я еще не привыкну, что ты приехала...

Светлана Петровна подошла, вытирая руки.

– Слушаю, Тань. Спасибо. Да... Да... – Потом была длинная пауза. Лена снова ушла в кухню и прикрыла дверь, чтоб заранее не испугаться. Мамин голос доносился до нее приглушенно. – ...Не знаю, честно говоря... Может быть, он и прав. – Мать положила трубку и вернулась. Села за стол, поднесла руку ко лбу.

– Что? Что-то плохое узнала?

Мама молчала, как бы оценивая услышанное. Наконец надула щеки, выдохнула и сказала:

– Нет, не плохое... но, знаешь, Леночка, наверное, лучше тебе действительно идти на судебку.

Ленины глаза вдруг снова, как в кабинете у Быстрякина, наполнились слезами. Она уже вроде смирилась, а тут вдруг опять какое-то движение в обратную сторону...

– Мам, если нельзя ничего изменить, давай будем ужинать. А то – туда-сюда, туда-сюда, никаких нервов не хватит. Плевать. Ты мне потом расскажешь, что и как. Есть у нас вино? Давай выпьем.

Мать еще помолчала, размышляя, потом решительно тряхнула головой и достала из шкафа несколько бутылок:

– Ну давай. Красное, белое, шампанское... Выбирай!

Лена выбрала красное. Они чокнулись, выпили и принялись за еду. Некоторое время ели молча. Потом вдруг Светлана Петровна хитренько посмотрела на Лену.

– Кстати, на твоей новой кафедре, как мне сказала Татьяна, заведующий молодой, не женатый...

– Тебе уже и это сообщили? – хмыкнула Лена.

– Об этом – в первую очередь. Причем, заметь, он не только не женат, но даже и не разведен.

– Официально, – уточнила Лена. – А на самом деле – может быть, Синяя Борода. Судебная медицина для таких типов как раз подходит.

– Может быть, – усмехнулась и мать. – Но, думаю, с Синею Бородой работать все равно интереснее, чем крутиться целый день исключительно с тетками. А именно тетки работают во всех глазных отделениях. Между нами, девочками, говоря.

Светлана Петровна снова налила вино.

– За что мы пьем? – спросила Лена.

– За твою новую работу и за новую шубу. За все новое в твоей жизни.

– Я хочу выпить за папу.

– Конечно. – Они выпили вино до дна. – Кстати, я думаю, папа тоже посоветовал бы тебе идти на кафедру. На любую, только не в больницу.

– Почему это?

Светлана Петровна посмотрела на дочь.

– Потому. В больнице – рутина.

– А на кафедре – движуха?

– Ну все-таки на кафедре у тебя больше инициативы. И переезжай-ка ты в папин кабинет. Хватит тебе в гостиной на диване спать.

– Так в кабинете ведь тоже только диван. А в гостиной мне нравится.

– Если тебе на папином диване неудобно, можно купить кровать в «Икее».

– А что, теперь «Икея» и в нашем городе есть? – удивилась Лена.

– Ой, все, что хочешь. «Икея», «Ашан», «Азбука вкуса»... Эйфелевой башни только не хватает.

На этом разговор у них закончился. Мама привычно составила в раковину тарелки, включила горячую воду. Лена разрезала арбуз, съела ломтик.

– Ой, какой сладкий! – Но мама все пребывала в задумчивости, и Лена, посидев еще немного за столом, встала и пошла в комнату отца. В так называемый «папин кабинет». Огляделась в нем и решила – ладно, перееду завтра.

Саша Попов в своей крошечной комнатке сидел перед ноутбуком. Он просматривал свою почту – какое-то невероятное количество писем ему пришло от знакомых девушек. Он вяло пощелкал мышкой по их фотографиям. Почти все в купальниках. Ну да, возвращаются к жизни после лета. Есть несколько писем и от бывших одноклассниц – эти на фотках уже втроем, а то и вчетвером – с мужьями, с детьми. Размножаются... Бывшие сокурсницы пишут ему больше поодиночке – эти видят в нем потенциального друга, а может быть, и жениха. Конечно, в институте он был в числе «упакованных». Машина вон до сих пор осталась. Не новая уже, но все равно не «Рено» какой-нибудь, «Ауди ТТ». Саша вздохнул. Ошибаетесь, девушки. Только машина у меня и осталась. Никакой я вам сейчас не жених.

Он быстро отстукал пару-тройку вежливых ответов. Развернулся на своем вертящемся дерматиновом кресле к окну. Душно. Уже почти ночь. Серой пылью, будто моль, пыль вьелась в подоконник. Надо все-таки хоть иногда делать уборку.

Саша вздохнул и снова вернулся к компу. Какой там у них профессиональный сайт? Судебная медицина точка ру?

Откроем эту «ру». От постучал по клавишам. Что сегодня актуальное? Ну ясно, опять... Опять бесконечно обсуждают «давность». Давность кровоподтеков, давность наступления смерти, давность повреждений. Никто не спорит, вопрос о давности очень важный. Такой же важный, как и «прижизненность». Эти две страшилки следователи всегда выпускают в постановлениях на экспертизу на первый план, когда пишут свои вопросы эксперту для разрешения. «Были ли указанные повреждения нанесены при жизни потерпевшего или после наступления смерти?» «Если повреждения являются прижизненными, то какова их давность. Указать – секунды, минуты, часы, сутки до наступления смерти». Над этими секундами эксперты всегда хохочут до колик в животе. Особенно когда смотрят фильмы, в которых расследуются убийства. Часто показывают, как врач с важным видом выходит и объявляет: «Смерть наступила в двенадцать часов сорок восемь минут!» При том, что труп найден в болоте, где он пролежал неделю или месяц. Или еще смешнее: «Выстрел был про-

изведен 24 сентября в семнадцать часов тридцать восемь минут». И никто не видел, не слышал, кто стрелял, когда, откуда, а у полицейского и эксперта есть только чья-то случайно найденная, простреленная и отделенная от тела голова. И совсем уже можно биться в истерику от такого заключения: «Миссис Симонс скончалась через тринадцать минут после того, как выпила яд». Тело миссис Симонс найдено в запертой изнутри комнате, и ни один свидетель вообще не видел, когда и что она пила. И все думают, что эксперты волшебники, которые все могут узнать. Или посланцы Божии, которым Господь открывает свои тайны.

Саша усмехнулся, вспомнив, что у них в комнате экспертов есть журнал, где эксперты записывают подобные ляпы. Ни для какого-то там дела, а просто, чтобы потом утром после дежурства поржать. Телевизор-то смотрят в основном на дежурствах, хотя работает он у них в комнате целый день. Ну не все, конечно, записывают. В основном в этом упражняется Витька Извеков. Да еще Хачек тоже придет иногда с утра, встанет посреди комнаты и выдаст эдакий перл. И смотрит – оценил народ или нет. Сам Саша на дежурствах, когда есть время, в основном в Интернете пасется. Или с девушками болтает. От лаборанток просто отбоя нет.

Игорь Владимирович Соболевский, тот книжки читает. Ему уже далеко за сорок. Ближе к пятидесяти. Он, конечно, выглядит гораздо моложе, видимо, следит за собой, но о возрасте человека теперь судят не по морщинкам впереди козелка², и не по зубам – как это принято в судебной медицине, а по отношению к Интернету, к айфону, к айпаду. Саша никогда не видел, чтобы Соболевский пользовался Интернетом. Айфон у Соболевского есть, но это скорее для пижонства. У него что айфон, что дешевый «Самсунг», купленный в ларьке, – все одно. Соболевский им пользуется исключительно как обычным домашним телефоном. Зато Игорь Владимирович читает по-французски. И вообще, два раза в год ездит *туда* – весной в Париж, а осенью в Ниццу. Балдеет там по-своему. Говорят, у него то ли бабушка, то ли прабабушка была дочкой губернатора. Не нынешнего. Еще дореволюционного. Но это, может быть, и враки. Соболевский одним из первых в их городе стал носить черный шарф на французский манер – оба конца в петлю и поверх пиджака. Витька Извеков острил, что при таком шарфе легче легкого получить механическую асфиксию – р-раз за концы! И готово. Правда, когда Хачмамедов Витьке в телевизоре показал, что точно такой же шарф носит Йоги Лев – тренер немецкой сборной по футболу, выигравший в тот год чемпионат мира, Витька заткнулся.

И еще у них в отделении Вячеслав Дмитрич. Тот вообще уже старый. Ему за семьдесят. Вячеслав Дмитрич на дежурствах, если есть время, ремонтирует часы. Ему их носят со всего города. Чем старше экземпляр, тем ему интереснее. Однажды кто-то притащил ему «Брегет» еще на цепочке. Так он с этим «Брегетом» возился месяц, чуть слюни от удовольствия не пускал. Починил-таки в конце концов. Жаль, что сейчас Вячеслав Дмитрич в отпуске. Саша бы его позвал на свою секцию. Вячеслав Дмитрич добрый – ему уже не надо бороться ни за свое реноме, ни за место под солнцем. Он в судебную медицину пришел еще в начале шестидесятых. И все мыслимые врачебные регалии у него уже есть – и высшая категория, и отличник здравоохранения, а самое главное – он добрый. Вячеслав Дмитрич всегда подскажет в трудном случае, даст хороший совет. И к Саше Вячеслав Дмитрич относится хорошо, несмотря на то что в свое время они с отцом конкурентами были. Оба претендовали на то, чтобы стать начальниками. Но поставили отца, а Вячеслав Дмитрич спорить не стал. И никогда, насколько Саша знал, Вячеслав Дмитрич отца не подсиживал. Чего Саша не мог сказать о Хачеке. Слухи разные до него доходили. Но когда отец сам из начальников и из Бюро ушел, Хачека на его место все равно не поставили. Вызвали совсем какого-то невнятного дядьку по фамилии Антонов. Тот в танатологическое отделение вообще не спускается. Руководит из своего кабинета на втором этаже. И все больше ездит по начальству. Говорят, из областного

² Козелок – у человека – хрящевой выступ у основания ушной раковины.

министерства здравоохранения его калачом не выманить. Так целыми днями там и сидит. Слухи ходят, что в Бюро Антонову не нравится, и он просит перевести его в какое-нибудь более удобное административное кресло. А то все убийства, да изнасилования, да случайные смерти – такое расстройство! Вот и караулит Антонов теплое сиденье в министерстве. Но это только слухи. Саша Антонова видит, как и все, в основном раз в неделю на внутренних совещаниях. На них Антон – так его зовут между собой эксперты – сидит молча, как мумия. Только глазами в разные стороны вертит – кто что скажет. Ну а говорит в основном Хачек. И иногда Вячеслав Дмитрич. Витька молчит. Соболевский тоже молчит, только иронически улыбается по поводу и без повода. Ну а он, Саша, самый молодой. Ему слова пока не дают.

Саша потерял глаза, поводил затекшей шеей. Ну прямо как Хачек! Так он и предполагал, что сегодняшняя дискуссия в Интернете по поводу давности окончилась, как всегда, ничем. Кто-то выложил данные спектрального анализа по исследованию кровоподтеков – наверное, обкатывает свою диссертацию. Как всегда – масса критики, очень неконструктивной. Но есть и несколько справедливых реплик и пара умных вопросов. Саша вздохнул. Пора спать. Он завтра к тому же дежурит. Кто его знает, какое завтра будет дежурство? Может быть все спокойно, но бывает, что за ночь наколесишь по городу так, что потом весь день башка трещит. А Саша работает на две ставки. Это в экспертизе разрешено, но, значит, после дежурства потом еще вскрывать и вскрывать... Ладно хоть Хачек часы не заставляет до копейки отсиживать. Вскрыл, оформил, протокол написал – свободен. Но иногда работы бывает столько, что не только раньше не уйдешь – пашешь до ночи. Особенно когда следователь вопросов наставит целую тьму. Вот и завтра наверняка постановление на экспертизу по факту смерти этого Сергеева как привезет... Мало не покажется. Саша выключил свой ноутбук и пошел в ванную. Отец сидел перед телевизором, свесив голову на подбородок, и спал. Сдал отец все-таки сильно.

– Батя, не пора тебе в койку?

– Нет, я еще посижу, – встряхнулся отец. – Ты сам ложись.

– Спокойной ночи.

Отец переключил программу, а Саша встал под душ с мыслью, что послезавтра нужно заехать к матери и все-таки отвезти ей картошку.

3

Да, не так уж близко оказалось ехать до кафедры от Ленинского дома. Сначала пешком минут семь до остановки нужного троллейбуса, потом сорок минут ждать, пока этот неповоротливый двурогий параллелепипед на колесах медленно обогнет совершенно ненужные Лене улочки и переулки и будет медленно спускаться в район, который в городе называется «Тополя». Когда-то лет триста назад эта местность была поймой реки. Теперь «Тополя» – это неухоженная роща из огромных, неохватных одной парой рук тополей и всякого более хилого подлеска: осинки, рябины, боярышника. Еще до революции в самой середине «Тополей» стояло красное кирпичное здание единственного на тысячи километров вокруг лепрозория. Здание это было одновременно больницей и богадельней, возведенной на деньги по подписке богатого купечества. Недалеко от него скучала аккуратная, тоже красная и кирпичная церковь, а дальше, совсем уж к нежилому краю города, – больничное кладбище. После революции лепра на этих территориях была побеждена. Здание осталось пустовать, церковь заколотили, кладбище сровняли с землей. Но разрастающийся город все-таки обходил стороной этот тополиный лес. Обходил до тех пор, пока у людей не стали стираться в памяти лица больных, подходивших к высокому старому забору для того, чтобы через щели просить хлеб. Уже лет пятьдесят на месте бывшего кладбища располагается троллейбусный парк, и плакаты с изображениями зайчиков и лисят, пересекающих трамвайные пути (которых в городе никогда не было), глумливо веселят пассажиров, садящихся в троллейбус на конечной остановке.

В семидесятые в здании бывшего лепрозория разрушили потолки и полы, вынесли окна и оставили только кирпичную кладку стен. Потом ее снаружи отшлифовали, а изнутри оштукатурили, сделали новые перекрытия, настелили полы, покрыли потолки, вставили окна и отдали это полностью отреставрированное здание в распоряжение отдела здравоохранения. А отдел уже принял решение разместить в этом отдаленном уголке Бюро судебно-медицинской экспертизы. А поскольку в семидесятые годы преступность в нашей стране еще не достигла нынешних масштабов, тогдашний ректор медицинского института вовремя спохватился, переговорил с кем надо в отделе здравоохранения, и там решили, что все четырехэтажное, большое здание отдавать в распоряжение Бюро будет жирно. И весь последний четвертый этаж предоставили медицинскому институту – для размещения на базе Бюро кафедры судебной медицины. В этом-то, собственно, здании и проходила в свое время обучение Лена Крылова. Но так как судебная медицина тогда не вызывала у нее никакого интереса, то в голове остались только зеленый массив «Тополей», полумрак уже открытой, но еще не отреставрированной церкви, в которую они однажды из любопытства зашли с ребятами, да еще какая-то дурацкая реборда железнодорожного колеса, всплывшая вчера в памяти. И вот теперь мимо этих самых «Тополей» Лена и ехала сейчас на троллейбусе.

На конечной площадке троллейбус сделал эффектный разворот и остановился напротив идущей в глубь рощи аллеи. В ее конце виднелось красное высокое здание Бюро с четырехугольной башенкой посередине крыши.

– Ну прямо английский замок! – восхитилась Лена, будто увидела здание впервые. На фоне красного кирпича белым выделялись высокие узкие оконные рамы с частыми переплетами. Точь-в-точь – Чэлси. После окончания института она вместе с родителями путешествовала по туристической путевке «Лондон – Париж». Это была их последняя совместная поездка.

Лена вышла из троллейбуса и по пустой аллее пошла вперед. Входная дверь была металлическая, с глазком, с массивной дверной ручкой и колоколом с кисточкой на манер хвоста ослика Иа. Под металлическим козырьком над входной дверью игриво болтались два

цветочных кашпо со свисающими сиреневыми петуниями. Нет, не замок, доходный английский дом – оценила Лена здание вблизи.

Дверь оказалась заперта. Лена дернула звонок, раздался гулкий удар колокола. Корабельный, что ли? – съехидничала она, не подозревая, что совсем недалеко от истины. Это Вячеслав Дмитрич, служивший в свое время на флоте, пожертвовал Бюро трофейный колокол. И если бы Лена взглянула внимательнее, то увидела бы полужатертую надпись «Essen» сзади по ободку.

Никто не откликнулся, и Лена обернулась, чтобы оглядеться. Заасфальтированная площадка для машин перед подъездом еще была пуста. По обе стороны от крыльца друг против друга стояли простые деревянные скамьи, тоже пустые. Возле них в двух автобусных шинах, наполненных сухой землей, пылились ярко-красные герани.

Неужели я так рано приехала? Лена посмотрела на часы. Половина девятого. Судя по распорядку работы, вывешенному для ознакомления рядом с дверью, жизнь в Бюро началась с девяти. Лена на всякий случай решила еще раз дернуть хвост колокола. И к ее удивлению, по ту сторону двери послышалось металлическое лязганье ключа, потом возникла пауза (Лена поняла, что ее разглядывают в глазок), и дверь приоткрылась. Низенькая, очень толстая женщина с отвратительно расплывшимся лицом и мутными глазками обшарила Лену взглядом с ног до головы и хрипло спросила:

– Чего тебе?

Лена молчала. Комок смешанных и отнюдь не добрых чувств поднялся откуда-то из живота и подступил к груди.

Женщина вытерла о несвежий байковый халат, надетый поверх форменного белого, короткую пятерню и двумя пальцами отерла рот.

– Оглохла, что ли? Если за трупом, так вон читай объявление. Выдача трупов после двенадцати.

Конечно, за трупом. В нарядном синем платье, отглаженном с вечера (привет институтскому выпускному, с тех пор ни разу не надевала), в лакированных лодочках на высоких каблуках. Только в таких нарядах за трупами и приходят.

– Я на кафедру судебной медицины.

– Еще чего! – Жаба в халате нисколько не смутилась. – Никого там сейчас нет.

– Почему же никого? – Лена говорила спокойно, но комок в ее груди разрастался. – Вот я пришла. На работу. Я новый преподаватель. И вам не нужно мне хамить.

– Да все равно не пущу! – Жаба уже внимательнее оглядела Лену с головы до ног. – Вот Петр Сергеич придет, с ним и иди. А пока вон жди на скамейке. Я тебя знать не знаю, кто ты такая! Еще хотят, чтобы всех тут пускали, кого ни попадя... Ходят тут разные б... – И с последними словами жаба громко захлопнула дверь.

Лена оторопела от такого приема. Конечно, она не думала, что ей навстречу выйдет английский дворецкий в смокинге, но все-таки... Однако делать было нечего. Не будешь же драться? Тетка, наверное, просто сумасшедшая. Ничего не остается, придется ждать. Лена подошла к скамейке и огляделась. Солнце уже совершенно взошло, и утренняя прохлада стала меняться в сторону жаркого августовского дня. Но Лена зябко передернула плечами – зачем она только вырядилась? Она вздохнула и осторожно провела рукой поверх платья по левому боку. Там, как раз на талии с той стороны, где в ткань была вшита молния, у Лены росла родинка – довольно крупная, круглая и очень темная. Вот эту родинку она сегодня второпях и прищемила замком, когда одевалась. Теперь родинка не то чтобы болела, но как-то противно давала о себе знать.

Лена поморщилась и отошла от здания подальше. Вот ведь как получилось: и в принципе-то ехать на эту работу особенно не хотела, но вышла из дому пораньше, чтобы не опоздать, а в результате ждет теперь, как бедная родственница. Чтобы окончательно не замерз-

нуть, Лена решила пройтись. Вот уж чего она не могла себе позволить, так это стоять у крыльца. «Пусти-и-те на работу! Пусти-и-и-те на работу!» Еще не исключено, что эта отвратительная женщина будет подглядывать за ней в глазок.

Лена решительно закинула сумочку на плечо и зашагала по асфальтовой дорожке.

Роща, что когда-то дала название местности, сохранилась теперь только частями. Вдоль аллеи, по которой шла Лена от остановки к зданию, были посажены ровные елочки. Лена их помнила еще совсем крошками. Теперь елочки подросли и образовали вполне приличную зеленую веселенькую изгородь, а за ними уже росли сирень и чубушник. Лена не заметила, как дошла почти до конца. На конечной остановке по-прежнему никого не было. И площадка троллейбусного круга была пуста. Очередной троллейбус уже уехал обратно в город, а новый еще не приходил. Роща расстилалась в низине, дорога в город шла вверх. Здесь на последнем участке маршрута не было ни домов, ни учреждений. Только зеленый массив с Лениной стороны, а с противоположной – какой-то невнятный пустырь, поросший сорняками по пояс. Лена повела головой – из-за взгорка вдруг показался троллейбус, и у Лены внезапно защемило сердце. Такой вдруг она себе показалась несчастной – одинокая, замерзшая, в нелепом с утра элегантном платье стоит и ждет неизвестно чего.

Она взглянула на часы. До чего же медленно тянется время! Еще только без десяти девять. Лена отошла подальше, чтобы не выглядело так, будто она кого-то встречает. Отвернулась. Троллейбус – ярко-сиреневый – неспешно катил со взгорка по серому асфальту вниз, к конечной остановке. Интересно, если на нем приедет Рябинкин, она его узнает? Но подходить к кому-либо на улице просто глупо. Она должна снова идти к Бюро. Лена задумалась. Петр Сергеевич Рябинкин. Какая-то комичная фамилия. То ли дело у нее – Крылова! В школе даже и кличку-то никто ей не придумал. Крылова – и все. И всегда она была как-то особняком. Ни с кем особенно не стремилась дружить. Самая умная девочка в классе. Отличница. И на курсе, между прочим, тоже.

Троллейбус подошел. Из раскрывшихся троллейбусных дверей посыпались пассажиры. Сплошь женщины, ни одного мужика. Маленькие, высокие, толстенькие, худые, молодые и старые, все сразу группой пошли, переговариваясь, навстречу Лене по аллейке в направлении здания Бюро. Последней показалась русоволосая статная матрона с большой матерчатой сумкой, набитой доверху крупными яблоками. Она, тяжело переваливаясь, пошла в одиночестве после всех. Эту женщину Лена внезапно узнала. Это была старшая лаборантка кафедры судебной медицины. Еще когда Лена училась, а скорее всего и за много лет до ее поступления в институт, Людмила Васильевна была бессменной хозяйкой кафедрального шкафа с химическими реактивами, предметными стеклами, ватками, марлечками, чашками Петри, ножницами, методичками и всего остального разнообразного хозяйства, которое выдается студентам на практических занятиях.

Лена вышла из-за крайней елки и пошла за Людмилой Васильевной.

– Давайте я вам помогу.

Статная дама с удивлением шарахнулась в сторону.

– Я тоже иду на кафедру. – Лена наклонилась и попыталась перехватить сумку у лаборантки. Не то чтобы она хотела завязать таким образом знакомство и, уж конечно, не потому, что подлизывалась. Просто Лене уже невольно было без дела. Людмила Васильевна взглянула на Лену внимательнее.

– А занятия-то ведь еще не начались!

– А я... – Лена подумала, сколько же еще раз за сегодняшний день ей придется объяснять, что она не на занятия. – ...Я к Петру Сергеевичу.

Лаборантка нахмурилась, но Лена сумку все-таки перехватила. Ох и тяжелые оказались эти яблоки! Но не отдавать же назад. Так вместе, в молчании они и пошли к зданию Бюро.

Подъезд для больших машин был с торцевой стороны здания, там места было сравнительно немного. Но для собственных машин экспертов рядом с подъездом была аккуратно размечена парковка – ровненько в два ряда и еще на каждом парковочном месте указан собственный номер. Как потом узнала Лена, порядок этот неукоснительно соблюдался. С другой стороны подъезда была еще одна стоянка – гостевая, помеченная металлическим столбом с красным кругом и буквой «Р».

Лена и Людмила Васильевна подошли к крыльцу. Все парковки были еще пусты, только на хозяйской стороне на самом дальнем месте уныло дремал светлый «Ниссан Альмеро» Вити Извекова. Однако входная дверь была уже распахнута настежь. Правда, вход занавешивала полупрозрачная ткань с прикрепленной понизу резиновой клеенчатой полосой. Наверное, от мух, догадалась Лена. Вот все-таки провинция! На работу с яблоками идут, не спеша, вразвалочку... В помещении, наверное, липучки от мух висят...

– Не знаете, когда Петр Сергеевич обычно приходит?

Людмила Васильевна повернула к Лене голову.

– А он вас ждет?

– Должен ждать.

Лаборантка взглянула на Лену настороженно.

– Вы из прокуратуры?

– Нет. – Лена решила опять сказать, кто она и откуда, но ее ответ вдруг потонул во внезапном многоголосом шуме двигателей. От асфальтового спуска, по которому ходили троллейбусы, был, оказывается, заезд для машин с другой стороны. И сейчас по этой невидимой для Лены дороге двигался разноцветный кортеж. Первым возглавлял процессию элегантный бордовый приземистый «Ауди ТТ». За ним ехали два одинаковых «Гетца» – желтый и голубой, потом темно-серый внедорожник «Хонда CRV» и последней машиной, которую отследила Лена, была не новая, но очень чистая, белая «Пежо 308». Лена завороченно смотрела, как четко и быстро, словно в детском мультфильме, машины занимают свои парковочные места. Первая пятерка еще только-только успела разместиться на парковке, как за ней стали прибывать машины еще и еще, и вмиг вся площадка наполнилась движением, шумом, выходящими из машин людьми, их приветствиями, взмахами, разговорами.

Лена опомнилась. Кто же здесь Рябинкин? Людмила Васильевна тянула из ее рук сумку с яблоками.

– Подождите! Я Петра Сергеевича в лицо не знаю... – Лена смотрела на нее растерянно. Лаборантка подозрительно поджала губы, кивнула куда-то вбок.

– Вон же он приехал!

Лена повернулась.

На стоянку с оглушительным треском въехал старый мотоцикл. Не обратив никакого внимания на переполненную парковку, его седок отвел свою машину в сторонку к большому развесистому дереву, заглушил двигатель и встал возле врытого под деревом металлического столба. Затем слез с сиденья, достал из багажника рюкзак, а из него тросик и стал прилаживать к столбу своего коня.

– Петр Сергеевич! Вас тут спрашивают! – крикнула Людмила Васильевна в сторону мотоцикла. Рябинкин не слышал.

– Давайте сумку! – Лаборантка перехватила у Лены яблоки и ушла внутрь. Лена осталась стоять около крыльца. Мимо нее проходили люди – те, кто только что оставил свои машины на парковке. Некоторые мужчины посматривали на нее с интересом. Господин в сером легком пиджачке поверх черной футболки – из белого «Пежо» – чуть даже голову не свернул. Но Лена, не отрываясь, смотрела на мотоциклиста. Он спокойно закрепил и защелкнул на тросе замок, застолбив таким образом свое средство передвижения, снял с головы черный блестящий шлем и повернулся лицом к крыльцу.

Петр Сергеевич Рябинкин на вид оказался совсем не таким, как его себе представляла Лена. Все-таки заведующий кафедрой должен был быть человеком хоть и молодым, но в ее представлении солидным. Она даже представляла, что он мог быть чем-то похож на Быстрикина или на того, прошлого заведующего, у которого училась она сама. Но Рябинкин оказался человеком совсем не «ученого» типа. Петя Рябинкин был прост. Широкие ковбойские джинсы у него были вытянуты на коленях, рукава бежевого джемпера задраны выше локтей, один конец воротничка клетчатой рубашки завернулся к шее, а рюкзак, который он извлек из багажника своего мотоцикла, первоначальное предназначение имел для горнолыжных ботинок. В общем, это был довольно распространенный тип этакого туриста-интеллектуала-физика-лирика в одном лице. И, надо отдать должное, своей веселой фамилии Петр Сергеевич тоже вполне соответствовал. Лене сразу пришли на ум байдарки, костры, закопченные котелки и гитары.

Она стояла от Рябинкина на расстоянии нескольких шагов. Сейчас опять придется говорить, что она новая ассистентка, которая пришла первый день на работу. Но не успела Лена открыть рот, как Петр Сергеевич на ходу протянул ей загорелую руку и сказал:

– Здравствуйте! Наверняка вы – Елена Николаевна Крылова. Вы – наш новый ассистент и вышли первый день на работу. Правильно?

Лена не растерялась.

– Да, это я.

– Отлично! – Он уже поднимался по ступенькам вверх. – Пойдемте на кафедру.

В дверях они замешкались. Рябинкин сначала хотел пройти первым, но потом опомнился и остановился, пропуская Лену. И она тоже, в свою очередь, пропускала его вперед – все-таки завкафедрой.

– Петь, ты идешь или с девушками шуры-муры разводишь? – хриплый баритон заставил их оглянуться. Багровый уже с утра, с топорщащимися усами и бровями, Хачмамедов сердито отдувался сзади них на площадке. Лена отпрянула в сторону, позволяя ему пройти. Петя взглянул на нее и тоже отступил в сторону. Хачмамедов важно прошел, что-то бурча себе под нос. Лена тихонечко прыснула, так он ей показался похож на большого важного таракана.

– Я вас познакомлю с этим господином. Попозже, – пообещал Петя и широко распахнул перед ней дверь. – Да проходите же наконец.

Лена прошла. Прямо перед ней в коридоре на стене висели большие круглые часы. Они показывали пять минут десятого. Какая огромная разница произошла с этим еще совсем недавно молчаливым таинственным зданием. Теперь везде хлопали двери, слышались голоса, свистели утренние сквозняки...

– Вход на кафедру пока через отделение танатологии, – сказал Рябинкин. – Парадная лестница уже лет сто как закрыта. И пока не удастся найти деньги, чтобы ее отремонтировать и сделать на кафедру отдельный вход.

– Когда я училась, мы тоже ходили на кафедру этим же путем, – вспомнила Лена.

В широком коридоре танатологического отсека пока было светло и пусто. Двери в секционные еще не открывали со вчерашнего дня, и таблички с веревочными петлями, как в отелях, с надписями «Просьба соблюдать тишину. В секционных работают, а не болтают» еще без дела лежали на подоконниках рядом с пустыми пепельницами, сделанными из консервных банок.

– Это для студентов. – У Лены вдруг прорезалось все – и как они ездили сюда на занятия, и как курили потихоньку, чтобы не торчать в секционном зале. – Нас во время занятий не очень-то муштровали. Можно было выходить покурить, только чтоб не шумели. Но в коридоре курить было нельзя, поэтому студенты брали такие же вот консервные банки и шли на улицу... – Она внезапно остановилась.

Та самая неприветливая утренняя тетка с расплывшимся жабым лицом выкатывала из холодильной комнаты каталку с лежащим на ней телом. На каталке лежало тело большого белобрысого мужчины в красных спортивных штанах. Жаба перегородила каталкой с телом дорогу. Рябинкин тоже остановился. Мужчина был тяжелый, а санитарка маленького роста, поэтому ей приходилось подталкивать каталку не только руками, но и грудью, и огромные подошвы ботинок лежащего человека оставляли на ее халате серые следы.

Рябинкин одной рукой взялся за ручку каталки, чтобы помочь жабе развернуться и вкатить каталку в секционную. Лена с отвращением смотрела на покрасневшее от натуги жабые лицо, на старую каталку и на огромное тело, лежащее на ней. Вдруг ее взгляд упал на светлый ком одежды, лежащий у трупа в ногах. У белой с красными разводами свернутой куртки выпал рукав и свесился вниз, раскачиваясь в такт движениям колес. Три красные буквы «РОС» были залиты чем-то темно-красным.

Кровь, подумала Лена, и где-то внутри ее живота стало холодно. Она закрыла глаза, пытаясь поймать за хвост ускользающее воспоминание – где же она видела эти или похожие красные штаны и куртку от спортивного костюма. И как только она произнесла про себя это словосочетание «спортивный костюм», она сразу вспомнила и Красную площадь с новогодней елкой, и олимпийские костюмы, выставленные в витрине специального магазина возле раздевалки катка. И как по цепочке вместе с ним всплыл еще в памяти и черный внедорожник возле памятника «писавшему летчику», и мужчина, стоящий рядом с ним в красно-белом костюме «Россия», грызущий ногти.

Что же, разве обязательно это должен быть тот же тип? – подумала Лена и хотела обойти каталку в освободившемся пространстве – санитарка уже подкатывала свой тяжелый груз к дверям секционной.

– Чего стоишь, как чурка? Дверь-то открой! – вдруг проквакала жаба Лене. Лена помедлила, но взяла себя в руки и быстро подошла и открыла дверь секционной. Жаба поднаперла, Рябинкин подтолкнул, и каталка с телом вкатилась внутрь. Лена стояла сбоку. И вдруг в глаза ей бросилась рука лежащего на каталке человека. Голубые вытатуированные буквы на пальцах. Лена слегка наклонилась, чтоб рассмотреть. Ногти были обгрызены чуть не до «мяса». Лена в ужасе выпрямилась. Петр Сергеевич отряхнул руки и подтолкнул ее в направлении секционной.

– Клавдия Степановна! – громко сказал он и строго посмотрел на жабу. – Подойдите-ка сюда!

Жаба оставила каталку и неохотно повернулась.

– Некогда мне с вами разговаривать. Скоро эксперты на вскрытие придут.

– Прошу вас посмотреть и запомнить, Клавдия Степановна. Елена Николаевна – наш новый ассистент. Обращаться к ней нужно вежливо, на «вы» и по имени-отчеству. Вы меня поняли?

Клавдия, в том же самом байковом халате, в котором с утра ее видела Лена, встала в ногах каталки, выпятила живот и уперла обе короткие толстые ручки в мощные бока.

– Ох и чурку с глазами ты себе нашел в ассистентки, Петечка! Еще е... ее пару раз было бы можно, а вот вскрывать она у тебя не сумеет. Эт-то точно! – И с довольным видом Клавка повернулась и стала перепихивать тело мужчины с каталки на секционный стол.

– Е-ле-на Ни-ко-ла-ев-на, – металлическим голосом повторил жабе Рябинкин и вывел Лену из секционной. В молчании они миновали остаток коридора и начали подниматься по лестнице. Лена так была сражена и видом этого умершего мужчины, и привычным, видимо, хамством санитарки, что поднималась молча, еле переставляя ноги на своих довольно высоких каблуках. Рябинкин, видимо, почувствовал себя очень двусмысленно.

– Вы не очень переживайте, Елена... – неуверенно начал он. – Мне самому очень неудобно за эту Клавку, но, видите ли, она – алкоголичка... Что-то доказывать ей бесполезно.

Ее здесь уже много лет держит заведующий танатологическим отделением, и поэтому я считаю неудобным вмешиваться. Но сегодня я ему, конечно же, скажу...

Лена остановилась на лестнице и обернулась к Рябинкину.

– Я не буду возражать, Петр Сергеевич, если вы скажете ему все, что считаете нужным.

– Очень хорошо, Елена Николаевна. – И Петр Сергеевич вовсе не стал больше перед ней извиняться, как Лена этого ожидала, а совершенно спокойно ее обогнал и первым вошел в двери кафедры.

* * *

Витя Извеков в комнате экспертов с красными от бессонницы глазами насыпал себе в кружку растворимый кофе. Электрический чайник, закипая, шипел, а возле самой двери на полу около кулера блестела лужица пролитой воды.

– Что, руки после ночи трясутся? – заметил Извекову господин в сером пиджаке, случайно ступив в лужу ногой в дорогом черном ботинке.

– Лучше руки, Игорь, чем голова, – флегматично ответил Извеков, даже не повернувшись. Соболевский только слегка повел бровью и возле своего стола аккуратно вытер ботинок специальной тряпочкой, извлеченной из специальной коробки, в которой хранилась еще и специальная губка с кремом для обуви.

Следующим в комнату вошел Саша Попов. Он тоже наступил в лужу.

– Какого черта здесь в дверях воду разлили? – Саша быстро выпрыгнул из нее и по очереди побрыкал ступнями, обутыми в замшевые кроссовки. После этого он сразу прошел к телефону. – Чертовы химики трубку до сих пор не берут. Алло? Это Попов. Ну что вы мне, наконец, ответите по поводу наркотиков? – Он помолчал, прислушиваясь. – Да знаю я, что у вас не только мои наркотики. Ну так нашли или не нашли?

Трубка пробурчала что-то сердито-неразборчивое, и Саша шмякнул ее назад на телефонный аппарат.

– Не повезло. Нет и наркотиков, – вздохнул он. Извеков невозмутимо размешивал в кружке сахар деревянной сувенирной ложкой.

– Что и требовалось доказать.

– Ты бы хоть ложку другую взял, – думая о своем, рассеянно заметил ему Саша. – Деревянная от кофе быстро чернеет.

– Зато ей удобно по башке бить. – Извеков положил ложку на блюдце и стал с шумом прихлебывать горячий кофе. Игорь Соболевский, тот самый эксперт в сером пиджаке, посмотрев на обоих, только приподнял другую бровь, достал из элегантного черного портфельчика «Независимую газету» и погрузился в чтение.

Стол Вячеслава Дмитрича оставался незанятым, и Саша с сожалением смотрел на его зачехленный монитор и на скульптурную чугунную группу каслинского литья с часами. Хозяйка Медной горы вот уже целый месяц в отсутствие хозяина с игривым видом манила за собой куда-то Данилу-мастера, а зеленые, фосфором намазанные стрелки и римские цифры на старом циферблате смущали своим токсическим мерцанием по ночам дежурных экспертов. К тому же эти не починенные еще часы всегда показывали какое-то несуразное время.

Последним в комнату экспертов вошел Хачмамедов, громко с кем-то разговаривая по мобильному телефону. И он тоже, как и все, наступил возле кулера в лужу. Не обращая внимания на свои мокрые подошвы, он спокойно встал посередине комнаты, закончил разговор по телефону и грозно оглядел всех присутствующих.

– Кто разлил?

Вначале все молчали, а потом Извеков, прихлебнув свой кофе, сказал:

– Ну я разлил.

– И что? – Хачмамедов выкатил на него свои уже опять наливающиеся кровью глаза. – Нельзя было убрать?

Извеков поставил кружку на стол.

– Сейчас допью кофе и позову кого-нибудь вытереть.

Хачмамедов сделал крупный шаг в направлении Витькиного стола.

– А самому запахло было наклониться?

Извеков снова прихлебнул из кружки, сделал глоток, посмотрел на Хачека гордо.

– Я не уборщица, чтобы тряпкой махать.

Соболевский отодвинул край газеты, чтобы лучше разглядеть участников разговора, и иронически улыбнулся. Саша тоже не без интереса ждал, что будет дальше.

Хачек постоял на одном месте, еще больше наливаясь кровью, как клещ, и вдруг вернулся, подошел к двери и заорал в коридор, раздувая усы:

– Клавдия! Где ты там, твою мать! Быстро дуй сюда вместе с тряпкой! Не видишь, что ли, что в комнате для экспертов делается?

– Сейчас, сейчас! Сию минуту, Владимир Александрович! – И жаба-санитарка с потрясающей для ее комплекции быстротой возникла в комнате экспертов со шваброй, тряпкой и ведром. Соболевский не успел сложить свою газету, как она досуха затерла лужу.

– Задание на сегодня. – Хачмамедов извлек из-под мышки черную кожаную папку. – Виктор Михайлович вскрывает ночной огнестрел из Заречной Рощи, что вполне предсказуемо, – он посмотрел на Извекова, – сам привез, пускай сам и вскрывает. – Хачек постоял, подождал, пока оценят его шутку, но никто не засмеялся.

– Попов – дежурит. А господин Соболевский – на выход. Сейчас приедет следователь и повезет вас на эксгумацию. Прокурор вынес постановление. Хотя и неохота вас посылать, но придется.

– А по какому случаю эксгумация? – поднял брови Игорь Владимирович.

– По тому самому. По которому жалобами уже завалили по самый... – Хачек показал на шею под подбородком. Стоящий Извеков скосил на Хачека голову, будто примериваясь к расстоянию от низа его живота до подбородка, и соорудил скептическое выражение лица. Хачек, к счастью, не видел его примерок и поэтому продолжал.

– Случай падения с большой высоты. Родственники остались не удовлетворены проведенной экспертизой.

– Но зачем им *тело*? – еще больше удивился Соболевский. – Они могут жалобы писать и без него. Кроме того, у гистологов остался тканевой архив. В конце концов, была же уже проведена и повторная экспертиза. Все мои выводы оказались подтверждены.

– Зачем, зачем? – угрожающе распушил в его направлении усы Хачмамедов. – У нас в стране демократия. Слышали о такой? Вот и люди услышали, что можно проводить эксгумацию. Почему бы не попробовать? Идут к прокурору. А прокурору охота сопротивляться, что ли? Что-то им объяснять? Он тоже слышал, что у нас в стране – демократия. Хотите эксгумацию – получите, мать твою растак! Ему наплевать, не он же по кладбищу будет ползать.

– А родственники при эксгумации хотят присутствовать? – поднял теперь обе брови Соболевский.

– Иначе бы и не начинали.

– Боюсь, они будут сильно разочарованы, – скептически поджал уголки рта Игорь Владимирович.

– Да хрен с ними. Какое твое дело? Хотят сильных впечатлений – пусть получают.

– Ну как хотите, – аккуратно уложил газету в ящик стола Соболевский. – Мне, в конце концов, не жалко лишний раз на кладбище съездить. Только это все без толку. Ничего эта эксгумация не даст. И, кстати, пусть потом коллеги не жалуются, – он кивнул в сторону Извекова, – что у нас в секционной вонища, хоть покойников выноси.

– По-моему, говорят, «святых», – вспомнил Саша.

Соболевский посмотрел на него снисходительно.

– Да, Саша, святых. Вы правы. Я пошутил. Но я понимаю, что после описания двадцати трех колото-резаных ран вам лично не до шуток.

– Это эксгумация по тому случаю, что вы еще в мае вскрывали? – спросил Саша. – Но что можно увидеть после трех летних месяцев пребывания тела сами знаете где в самую жару?

– Да я, мой дорогой, вообще не хочу видеть это тело. Но этого хочет Владимир Александрович... – Тон у Соболевского был мягкий, усталый, снисходительный.

– Ну хватит! Хочу – не хочу, вижу – не вижу! – Хачмамедов, слушая экспертов, неожиданно успокоился, и его лицо приняло свой обычный цвет. – Надо же учитывать обстоятельства! Восемнадцатилетняя обколотая девчонка выбросилась с балкона девятого этажа. Естественно, родственники не могут смириться с тем, что она сама выбрала себе такой путь. Так что проведете эксгумацию, привезете тело сюда, вскрыете снова, как полагается, и напишете про трупные изменения. И хрен с этими родственниками. Пусть дальше пишут жалобы, если хотят. – Хачмамедов захлопнул папку. – Пока на сегодня все, но, как вы понимаете, еще не вечер. – Он посмотрел на Сашу.

– Ну что у тебя? Химики ничего не обнаружили?

Саша отрицательно покачал головой.

– Я так и знал... твою мать! – размял себе шею Хачек. – Не такой это был случай, чтобы все было так просто. Дознаватель из полиции не приезжал еще?

– Нет.

– Ну жди. Приедет.

Саша коротко сказал:

– Жду.

Хачмамедов посмотрел на Извекова.

– А тебе привезли постановление на экспертизу огнестрела?

– Привезли. Премного благодарен.

– Рана-то там одна?

Витька Извеков пожал плечами.

– Насколько было видно ночью в лесу при свете ручного электрического фонарика – одна. Сейчас в секционной получше посмотрю.

– Ты что, охренел? Сколько ран – надо на месте считать. Огнестрел, это ж тебе не вон его – колото-резаные. Надо же сразу – пули, патроны, гильзы, пыжи, дробь и все прочее искать на месте происшествия.

– Ага, – сказал Извеков. – Конечно. И пыжи, и пули, и дробинки, и даже кто где стоял. Все сразу надо узнать. В лесу, ночью, на карачках. Может, свечку еще зажечь, чтоб лучше было видно?

– Ты не оstri! – распушил опять усы Хачек. – Здесь только я оstriть могу. Но вообще, – он покачал задумчиво своей крепкой башкой, – как-то удивительно, что ночью труп обнаружили. И ведь не на улице – в лесу. Не могли до утра подождать?

– Парочка какая-то на машину наткнулась. Видно, сами себе место искали, где бы им пристроиться, а тут такой афронт – на дороге рядом с машиной труп лежит.

– Может, после такого приключения у них еще лучше все получилось? – заметил, опять поднимая бровь, Соболевский. Они у него так попеременно и поднимались – то правая, то левая.

– Тебе виднее, – пробурчал Извеков, а Хачек победно сделал круг по комнате и шлепнул папкой по чугунной голове Хозяйки Медной горы. Часы тут же ответили – дзынь!

– Вот, правильно. Все, орлы, давайте по коням!

– Рожденный ползать летать не может. – Извеков встал и пошел к раковине мыть свою кружку. Хачек посмотрел на него грозно, но больше ничего не сказал, ушел. А Игорь Владимирович аккуратно снял с себя черные туфли и пиджак, на подкладке которого обнаружился лейбл модного дома, и нарядился в двойной медицинский пижамный комплект, а на ноги надел выдавшие виды желтые полуботинки на толстой подошве.

– Ну, друзья, – сказал он коллегам, когда за ним в комнату зашел «его» следователь, – к тому времени, когда я привезу сюда свою эксгумированную красавицу, постарайтесь уже завершить все свои дела в секционной.

* * *

– Ну вот и наша кафедра. – Рябинкин повел Лену по широкому грязному, заляпанному краской коридору. – Две учебные комнаты, одна лаборатория с лаборантской, одна ассистентская и смежный с ней мой кабинет и хозяйственная комната для санитарки.

– Но как же?.. – Лена ходила по комнатам и коридорам в состоянии шока. – Занятия начинаются через два дня, а здесь...

– Конь не валялся, – закончил за нее мысль Рябинкин. – Это правда, Лена. Конь не валялся, зато валялись рабочие, которые здесь летом делали ремонт. – Он показал на неприглядные следы пребывания в учебной комнате строителей. Невынесенный мусор, чья-то рваная брошенная спецовка, грязные стаканы из-под чая – все это создавало впечатление не учебного помещения, а строительного вагончика.

– Зато, как вы видите, – Рябинкин широко развел руками, – потолки побелили и стены покрасили. Осталось только все помыть и расставить по местам мебель.

– Но это же ужасно! – не выдержала Лена. – Обе учебные комнаты и коридор... В таких условиях нельзя начинать учебный процесс.

– Вы, Лена, где таких слов нахватались – «учебный процесс»? – посмотрел на нее насмешливо Рябинкин. – Скажите просто – занятия.

– Как тут ни скажи, а суть от этого не меняется.

– Спорить не буду. Но мы с Людмилой Васильевной ровно позавчера вернулись из отпуска. Вчера она мыла лабораторию и свою комнату, а я уезжал по делам. Сегодня у нас по плану – учебные комнаты. А в коридор я подыскал парочку наемных рабочих из солнечного Узбекистана. Если честно – мне их дали из нашего студенческого общежития. Я с комендантом договорился. Коридор и окна они вымоют за один день.

– Вы хотите сказать, что я сегодня буду убирать учебную комнату? – поразилась Лена.

– Больше некому. Да вы не расстраивайтесь, я тоже буду убирать, – поправил на носу модную оправу Рябинкин.

– А что, на кафедре нет уборщицы? – недоумевала Лена.

– Конечно, нет. В институт на работу никто не идет – невыгодно, платят мало. Поэтому с началом учебного года мы подыщем на должность уборщицы какую-нибудь студентку с нашего курса. За этим, я думаю, дело не станет. Девушки любят, когда у них есть поддержка на экзамене.

– Не все и не всегда, – заметила Лена.

– Не все, но многие, – ухмыльнулся Рябинкин.

Лена решила не развивать больше эту тему.

– Допустим, – сказала она. – Но я же не знала, что сегодня на кафедре будет субботник... – она посмотрела на свое платье.

– Вот с этим не будет никаких проблем, – успокоил ее Петр Сергеевич. – Униформу Людмила Васильевна вам выдаст. Халаты и пижамы у нас, к счастью, есть.

– Но только самые маленькие – пятьдесят второго размера, – просунула в дверь комплект медицинского белья Людмила Васильевна. – Я же для себя брала. И для мужиков.

Лена выразительно посмотрела на Рябинкина. Он почесал в затылке.

– Ну вы попробуйте. В случае чего Людмила Васильевна вас сзади булавками заколет.

– Мне прямо здесь раздеваться? – спросила Лена.

– Нет, можете пройти в ассистентскую. – Рябинкин открыл перед Леной дверь.

– Но это же проходная комната! – В просторной ассистентской не было никакого намека на ширму, зато было целых два окна. И ни штор, ни занавесок, ни жалюзи.

– Можете ко мне зайти, – опять всунулась Людмила Васильевна.

– Или давайте шкафом уголок отгородим, – предложил Рябинкин.

Лена посмотрела по сторонам.

– Потом отгородим. Я еще не выбрала себе место.

– А выбирать особенно не из чего, – снова вошла лаборантка. – Вот это – стол Соболевского, а это – Извекова. Их пока нет, они начинают с первого сентября.

– Это наши совместители из Бюро, – уточнил Рябинкин. – Так что вам остается только вот этот стол, – и он показал на самое невыгодное, с точки зрения Лены, место.

– Вообще-то он мне не нравится, – сказала Лена. – Но пока этот вопрос можно оставить открытым. Хорошо, я пойду переоденусь у Людмилы Васильевны.

– Пойдемте, – пожала плечами лаборантка с таким видом, что Лена ей совершенно не нужна, но деваться некуда. Рябинкин прошел в свой кабинет и крикнул оттуда:

– Вот вам коробка с булавками. Ловите! – Картонная коробка полетела Лене прямо в лицо. Почему-то ей вспомнилась детская игра в вышибалы. Она машинально поймала коробку, как «свечу». Открыла, посмотрела.

– Но здесь же простые, не английские!

Рябинкин крикнул:

– Извините, других нет. И эти-то случайно нашел.

– Мы такими булавками листки с информацией к настенному стенду прикрепляли. Удобнее, чем клеим, – пояснила Людмила Васильевна, заглядывая в коробочку через Ленино плечо. – Ой, какие красивенькие – разноцветные, будто ягодки!

Лена захлопнула коробку, размашисто швырнула ее обратно. Рябинкин поймал.

– Вы, наверное, в теннис играете? – высунулся он из двери.

– В бадминтон. И еще я стрелять умею. И вышивать на машинке. – Лена, разгневанная, провернулась на каблуках и пошла за уже исчезнувшей в коридоре Людмилой Васильевной.

Саша Попов в комнате для экспертов в это время читал привезенное ему постановление на судебно-медицинскую экспертизу трупa Сергеева А. Л.

– Поставленные вопросы. Та-ак, – он перевернул страницу и вздохнул: – Ничего особенного. Дознаватель, наверное, даже не задумывался, когда писал. Шлепал с «рыбы» на компе и шлепал. Набор вопросов стандартный. А вот прокуратура всерьез заинтересовалась. И кто же все-таки такой этот Сергеев, за что его так искололи?

Воспользовавшись тем, что в комнате никого не было (Извеков уже вскрывал в секционной, а Соболевский еще не вернулся с кладбища), Саша стал читать вопросы вслух.

– Ну, первый вопрос, как водится, почти всегда очень простой. «Является ли смерть Сергеева А. Л. насильственной или ненасильственной?» – Саша скривился. Он представил себя вызванным в суд в качестве свидетеля, а именно в таком качестве вызывают экспертов. Чтобы засвидетельствовали, чего они там нашли, чего раскопали. Саша представил себе судью, адвоката и прокурора. Но не в нашем суде, а, скажем, в английском. Судья в атласном балахоне и в парике, как у серого барана, адвокат – вертлявый и тощий, с кучей разных

папок и прокурор – с физиономией мясистой и глупой. Не все же им там, в Англии, наших олигархов судить? Саша представил, как он выходит к барьеру.

– Да, ваша честь. Почти всегда этот вопрос очень простой. Но вот в моем конкретном случае – он очень сложный. И отвечать на него логичней всего методом от противного. – Саша набрал в грудь побольше воздуха. – Поскольку при вскрытии у гражданина Сергеева не было обнаружено каких-либо заболеваний, несовместимых с жизнью, то смерть Сергеева не является ненасильственной.

Адвокат тут же вскочит: «Значит, вы не можете утверждать, что смерть Сергеева была и насильственной?» Но добротный английский судья тут же сердито постучит молотком в сторону адвоката. А прокурор спросит у него, у Саши: «Имеются ли на трупе Сергеева телесные повреждения и каков их характер?»

В этом случае Саша посмотрит на судью и, увидев, что он тоже одобряет этот вопрос, недрогнувшим голосом ответит:

– Повреждения имеются. Они носят характер ран, причиненных острыми предметами. А именно – десять ран колотых и тринадцать ран колото-резаных.

В этом месте все посетители в зале суда громко ахнут, а парочка чувствительных дам даже упадет в обморок. Тогда судья снова наведет порядок в зале и громовым голосом спросит Сашу: «В таком случае что же явилось причиной смерти Сергеева А. Л.?» И вот тут как раз Саша и сядет в лужу. И он представил, как тоненьким голоском пропищит судье:

– Понятия не имею, ваша честь!

Саша сам захохотал над этой картиной. Ну что за идиотские мысли лезут в голову?

Он стал читать постановление дальше. «В какой промежуток времени наступила смерть Сергеева А. Л.?» Саша посмотрел на фамилию дознавателя. Ну что же, молодец дознаватель. Грамотно поставил вопрос. Не исключено, что образование какое-никакое имеет. Не стал спрашивать конкретно – во сколько? А предположил временные рамки – «в какой промежуток...». Ладно. Саша ему посчитает – в какой. Старательно посчитает. Посмотрит по трупным изменениям и по количеству лейкоцитов в ранах. Если во всех ранах этих белых кровяных клеточек единицы – будет одно время, если сотни – другое, если тысячи – третье, а если вообще нет лейкоцитов – это лучше всего. Значит, смерть наступила очень быстро с момента нанесения повреждений. А с другой стороны, ничуть не легче. Наступила быстро, но опять возвращается вопрос – отчего она так быстро наступила... И вообще, лейкоциты в ране определяют гистологи.

Теперь Саша стал думать о гистологах. Вот они сидят на втором этаже. Четыре женщины. Разного возраста, но чем-то неуловимо похожи друг на друга. Они – как бы внутреннее подразделение в их отделении. Формально подчиняются Хачеку. Только на самом деле всегда к нему в оппозиции. Конечно, Саша знает их всех наперечет. Он будто видит их склоненные к микроскопам фигуры. А когда кто-нибудь входит к ним в комнату и спрашивает что-либо, они все вчетвером поднимают головы на входящего, и в глазах у них светится выражение мечтательно-снисходительное. Мол, ну вот, пришел еще один дурак. Сейчас будет спрашивать вещи, на которые ответа нет. Из-за этого Хачек все время на гистологов и злится – Хачека спрашивают следователи, он спрашивает у экспертов, а эксперты замыкаются на гистологов. А эти дамы говорят – нет ответа. Не можем сказать. Не представляется возможным ответить. Хачек тогда багровеет и орет:

– Для чего вы тогда здесь сидите? Для того чтобы все время как попки повторять, что ответить не в состоянии?

А они только плечами пожимают.

– Ну если вы можете сами ответить – отвечайте. Берите на себя ответственность. А у нас нет никаких поводов, чтобы подтвердить или опровергнуть то, о чем вы нас спрашиваете.

На что можем – отвечаем. А уж если не можем – извините. Правда, – добавляют гистологи, – нужно помнить, что отрицательный ответ – это тоже ответ.

Уж больно они умные, эти дамы. Разговаривать с ними – сушная нервотрепка. Больно много они воображают. Смотрят на тебя, будто не понимают, что ты от них хочешь. С другой стороны, ни один вскрывающий эксперт без них во всех этих клеточках, волокнах, кровоизлияниях разобраться не в состоянии. Уж больно специфическая эта специальность – судебно-медицинская гистология.

Саша опять вздохнул. Сходить, что ли, к ним? С другой стороны, чего зря беспокоить? Все равно они выдадут заключение не раньше чем через неделю. Может, все-таки попросить, чтобы дня через три?

Дознаватель, когда привез ему это постановление, просил «чтоб поскорее». Саша бы и рад, но пришлось скроить печальную мину. Типа, «если бы это зависело от меня, мой милый...».

Саша подумал, что выражение лица и «...мой милый» он, пожалуй, невольно скопировал у Соболевского. А это не есть гут. Соболевский вообще-то Саше никогда особенно не нравился. Уж лучше Извеков. Вот он, Витька, – весь как на ладони. А Соболевский... Может, он скрытый гомик? Саша вспомнил изящную тонкую фигуру Игоря Владимировича, его хорошо уложенные волосы, всегда выбритое лицо, руки в карманах и этот его практически постоянный черный шарф... Саша поморщился. Правда, сегодня Игорь Владимирович был без шарфа. Да нет, он не гомик. Скорее бывший чемпион фигурного катания – такая же изящная фигура при хорошей, но расслабленной осанке. Правильная постановка головы. Хорошо скоординированные движения рук и ног. Надо спросить у Соболевского, не занимался ли он в молодости фигурным катанием? Просто так спросить, от нечего делать. Сам-то Саша иногда играл по воскресеньям в футбол в парке за мостом через реку. У него и компания там была – сборная солянка из бывших приятелей. Но последнее лето было слишком жарким, Саша это дело что-то запустил. Вот осенью – самая игра, надо будет сходить туда как-нибудь в выходные...

Незаметно для себя он вышел из комнаты и пошел по коридору к лестнице. Уж если не к гистологам, то к физикотехникам точно надо зайти. Может, там уже чем-то порадуют? Недаром же он им все эти раны на бумажки выкладывал?

Сверху послышались шаги. Кто-то спускался по лестнице вниз, но Саша еще не видел кто. Судя по шаркающей походке – та самая шепелявая лаборантка из химического отделения. Он, не глядя, посторонился. Неуверенно нащупывая ступеньки тонкими ногами в черных колготках, в болтающихся и далеко не новых пляжных шлепанцах, сверху спускалась незнакомая девушка в огромном не по размеру халате, перепоясанном синим блестящим пояском. Она несла на вытянутых руках огромную картонную коробку со всяким бумажным мусором, и ее лицо от напряжения было розовым и сердитым.

– Где здесь помойка?

– Вон там, внизу, через черный вход, во дворе... – Саша вспомнил, что, кажется, это ее он видел утром возле подъезда.

– Осторожнее!

Он прижался к двери, и девушка прошлепала мимо. И вместе с ней мимо него проплыл шлейф запахов, состоящий из формалина, краски, ацетона, пыли и духов. Саша посмотрел девушке вслед – рыжие волнистые волосы качались в разные стороны в такт ее шагам.

Уборщица, наверное, новая с кафедры, подумал он.

Девушка с трудом просунула коробку в проем двери и вышла во внутренний двор.

Ничего, ноги стройные, Саша отвернулся и быстро через ступеньку поскакал в отделение к физико-техникам.

Лена выбросила коробку в мусорный контейнер и вернулась назад, на кафедру. В чисто вымытом коридоре, в отблесках оконных стекол стоял Петр Сергеевич и два маленьких таджика. Петя выдавал им деньги из кармана своей клетчатой рубашки. Лена замедлила шаг. Таджики взяли деньги и довольные ушли.

– Вы им из своих, что ли, заплатили? – вдруг поняла она.

– Я летом в хоздоговорной работе участвовал, – Петя спрятал остаток денег в карман.

– Что ж вы не сказали! – возмутилась Лена. – Я бы тоже лучше заплатила за учебную комнату, чем самой тут с вашими тряпками на помойку таскаться.

– Ну в следующий раз скажу. – Петя с интересом посмотрел на Лену. – Но имейте в виду, зарплата у нас с вами не такая большая.

Лена иронически хмыкнула, подвинула к себе случайно стоящую в коридоре табуретку и, даже не вытирая ее, устало присела.

– Знаете, Петр Сергеевич, я как-то уже свыклась с мыслью, что со вчерашнего дня удача от меня отвернулась. Хотелось бы надеяться, что это временно.

Из второй учебной комнаты вышла тоже вся красная, распаренная Людмила Васильевна с оцинкованным ведром, полным до краев грязной воды. Она осторожно поставила ведро, вытянула из него тряпку из мешковины, выжала и, размахнувшись, шлепнула ее перед дверью комнаты.

– У-уф, начерно помыла. Столько на полу было грязи, вы не представляете! Когда привезут мебель?

Петр Сергеевич посмотрел на часы:

– Звонили с фабрики. Уже едут.

– Еще мебель сегодня должны привезти? – Лена-то думала, что сейчас она переоденется и уйдет домой... Ванна и спать. Она поднялась сегодня в такую рань!

– Ну вы можете идти, Елена Николаевна. Мы с Людмилой Васильевной проследим за разгрузкой.

– Нет, почему же, я останусь...

Людмила Васильевна взглянула на Петю:

– Ну тогда что же? Поесть надо, пока везут.

– Яйца у нас есть? – очень по-домашнему спросил ее завкафедрой. – Вы с Леной сварганьте яичницу, а я быстренько схожу в магазин. Что нужно купить?

– У меня со вчерашнего дня еще помидоры остались, – сказала Людмила Васильевна, – а вот хлеба нет. – Она царственно повернулась и поплыла в лаборантскую. Лена уныло поплелась за ней.

* * *

Отделение физикотехники больше напоминало заднюю комнату какого-то биологического музея, чем медицинское учреждение. Только хранитель этого музея был человек не очень-то аккуратный. Вернее, хранителей, они же эксперты физикотехники, было двое. Один из них, Владислав, был еще сравнительно молод, очень высок, черноволос и слегка небрит. Другой, которого по странному совпадению тоже звали Владиславом, ростом вышел низковат и носил совершенно белую, короткую, круглую бородку и такие же кружком обстриженные, рано поседевшие, почти серебристые волосы. Они как бы были приклеены к его лобастой, шарообразной, большой голове. Несмотря на то что маленький Владислав был значительно старше высокого Владислава, все почему-то называли его уменьшительным именем Владик, в то время как младшего звали уважительно, видимо за рост, – Владом. А когда имели в виду в целом отделение физикотехники, то упоминали ласковое созвучие, как бы в одно слово – Влад-и-Владик. Влад-и-Владик на это не возражали, работали дружно.

И хотя экспертизы всегда поручаются какому-то одному эксперту, эти два друга работали вместе и вместе были в курсе всех дел. Ну а уж подпись, как требует того процессуальное законодательство, ставил кто-то один. Либо Влад, либо Владик. Но все знали, что подпись в данном случае не имеет никакого значения. Решение всегда принималось коллегиально.

Вот и сейчас в полутемном просторном помещении, а полутемным оно было потому, что Влад-и-Владик постоянно фотографировали, Саша застал обоих экспертов склоненными перед огромным столом, напоминающим бильярдный, только еще большим. На этом столе в беспорядке, а на самом деле в порядке, известном только Владу-и-Владику, горами располагались пробитые и простреленные в разных местах кости, разнообразные ножички, разнокалиберные камни и палки и всякие другие орудия. Каждый из этих предметов лежал на отдельной бумажке с номером и фамилией следователя и потерпевшего. Высоко под потолком крутился граненый стеклянный шар, и грани его в электрическом свете давали над столом таинственные искрящиеся отблески. Впрочем, когда Влад-и-Владик фотографировали – на специально приспособленном для этого столике, шар гасили. Влад-и-Владик утверждали, что шар этот не простой – он тоже когда-то был объектом экспертизы – якобы им кому-то еще при советской власти разбили голову. Но потом шар этот почему-то перестал быть вещественным доказательством, и Владик, тогда он еще работал без Влада, попросил следователя отдать ему шар, просверлил в нем дырочки и повесил под потолок.

Чтобы было красивее, как он сам всем говорил.

Теперь оба эксперта стояли как раз возле того участка стола, на котором в рядочки располагались картонки как раз Сашиной экспертизы. Они брали эти картонки и по очереди разглядывали их в свете какой-то специальной лампы красивого и сложно сделанного прибора.

– Мир вам и хвала! – заковыристо обратился Саша к обоим экспертам. – Я вам сочувствую, но ничем помочь не могу. Следователь к вам с вещдоками еще не приезжал?

– Ждем-с, – ответил за двоих Влад, а Владик согласно пожевал губами в своей круглой бороде.

– Чего-нибудь обнаружили? – кивнул Саша на лампу.

– Частицы неизвестного металла, – опять пожевал губами Владик. – Но, кажется, не во всех ранах.

– Только в колотых, – уточнил Влад. – Я, правда, не все еще просмотрел.

– Интересно... – протянул Саша, хотя, по правде говоря, ничего интересного в этом не увидел. Понятно же, что колотые раны нанесены одним предметом, а колото-резаные другим. Или другими. Что же здесь удивительного?

– Удивительно то, – Владик отличался более подвижным характером, в отличие от Влада, который был флегматиком, – что такие частицы не встречаются в сплавах из стали, из которых делают прочные клинки.

– Ну и... – Саша пока не понимал, куда они клонят.

– Нужна еще химическая экспертиза, – дополнил друга Влад, – но, по-моему, это какой-то очень дешевый, мягкий сплав. Который не применяется не только для изготовления сколько-нибудь серьезного оружия, но даже и рабочих инструментов или кухонной утвари.

– И еще вот, смотри, – подхватил Владик. – Раны-то вроде колотые, но по периферии на коже есть тоненькие полоски, будто ссадины – и они разной ширины. Самая широкая – два миллиметра. Ты догоняешь, что это значит?

– Вы что, хотите сказать, что их гвоздем наносили? – недоверчиво посмотрел на экспертов Саша. – Ребята, не валяйте дурака. Совсем не похоже. От гвоздя рана звездчатообразной формы. Я такие видел...

– Ну да, ты же Иисуса вскрывал, я и забыл, – почесал себе щеку Влад.

– Иисуса не Иисуса, а видел, – насупился Саша.

– Не-а, это не от гвоздя, – сказал маленький Влад. – Какой-то другой предмет. Какой – я не знаю. Но железно, что он не заточенный. Острие – только на конце этого предмета. Все остальное – полоски давления. Оттого, что эту гадость приходилось с силой в кожу вгонять. Кстати, надо к гистологам отнести эту кожу, чтобы подтвердить, что полоска – именно ссадина, а не испачканный чем-нибудь край кожи.

– Я вырезал все, что мог, – сказал Саша.

– Ну и отлично. Мы дорежем.

Раздался осторожный стук в дверь.

– И х-х-то там? – тоненьким голоском пропищал со своего места здоровенный Влад.

– Это я, ваша мама пришла, вещдоков вам приволокла! – за дверь прогундосил знакомый следователь. – Целую коробку.

– Ну давай, раз приволок, – так же ему в ответ теперь прогундосил Влад. – А сам уходи. Не мешай. Потому что пока ничего не можем тебе сказать.

– Нет-нет, подожди. Владислав шутит, – подставил под коробку с вещдоками табуретку Владик. – Показывай, что привез.

Следователь, совершенно замороченный, как он всегда чувствовал себя в этой полутемной комнате в компании Влада-и-Владика, послушно раскрыл коробку и стал вынимать оттуда вещдоки – каждый в отдельном полиэтиленовом пакете. Владик стал перебирать их, рассматривая, не вынимая до времени из упаковки.

– Ты где тесаков-то столько набрал? – ласково спросил он у следователя, выбирая из коробки все ножи и откладывая их в сторону.

– Да тут не только тесаки. Что на кухне в ресторане нашел, то и взял. На месте-то обнаружения ничего не было. Правда, Александр Анатольевич? – следователь для подтверждения своих слов обернулся к Саше.

– Верно. Я сам искал, – подтвердил Саша. Действительно накануне он вместе со следователем из солидарности облазил всю парковку. – Ничего не было.

– Кроме трупа, – флегматично заметил Влад.

– Кроме трупа, – подтвердил Саша. – Кстати, в постановлении на экспертизу я не нашел вопроса о возможном перемещении трупа. Ты его ставить будешь? Или мне не париться?

– Конечно, буду, – заволновался следователь. – Я этот вопрос просто забыл написать.

– Скорее всего, его у тебя в «рыбе» не было, – без всякой злобы заметил Саша.

– Ну не было. – Следователь давно уже ни в чем экспертам не возражал, подавленный их способностью узнавать всякие обстоятельства по самым, казалось бы, малозначительным деталям. Чего им возражать? Только себе хуже сделаешь. Все равно они все узнают, да еще на смех поднимут. – Хочешь, я тебя сейчас вслух спрошу: «Обнаружены ли на трупе Сергеева признаки перемещения тела...»

– ...во времени и в пространстве... – замогильным голосом добавил от своего аппарата Влад и вдруг откинулся на спинку своего стула. – Ну, ребята, все. Теперь точно могу сказать, что вот эти мягкие частицы присутствуют только в колотых ранах. Ищите предмет.

– Ну, мы ищем, ищем. – Владик все выкладывал и выкладывал из коробки вещдоки. – Ты, по-моему, там весь клуб разорил. А вилки зачем сюда притаранил?

– На всякий случай по одной и изъяс.

– Нет, не серебряные, – внимательно оглядел одну из вилок Влад. – Слушай, ты нам их оставь. Скажи там, в клубе, что следственный эксперимент проводить будем. У нас как раз все приличные вилки куда-то задевались. Одноразовыми «Доширак» приходится есть, а на пластмассовые лапшу наматывать неудобно.

– Да берите, не жалко.

– Тем более что мы тебе по секрету скажем, что для следственного эксперимента эти вилки все равно не годятся.

– Почему? – спросил вконец уже обалдевший следователь.

– Сам подумай, голова! – Влад протянул длинную руку и постучал следователя по голове. – От вилки сколько должно быть дырок на одной прямой? – Следователь молчал, и Влад вздохнул. – Четыре. Правильно. А у нас дырок рядышком максимум две. Ножниц у тебя там, часом, не завалилось?

– Есть ножницы! – вдруг оживился следователь. – Маленькие. Маникюрные. Я их в женском туалете нашел. В корзине для... ну сами знаете для чего.

Владик аккуратно взял пакетик с ножницами и осторожно вытряхнул их на чистый лист бумаги.

– Ого! А на браншах что-то есть!

– Так вы суньте эти ножницы в эту вашу лампу, по которой кровь определяете! – заволновался следователь.

– Да мы сунем, сунем, – успокаивающе сказал Влад и действительно переключил какие-то тумблерочки на своем приборе и положил ножницы куда надо.

– Щас поглядим... глядим...

– Ну че ты молчишь? Есть кровь или нет? – не выдержал следователь.

Влад еще специально потомил его немного. Он похмыкал, помычал, почесал затылок. Наконец вымолвил:

– Ну, есть кровь.

– Слава богу! – перекрестился следователь.

– А что тебе это даст? – тут же включился в разговор Владик и даже затряс от возмущения бородатым подбородком. – Ты сначала человечка найди, хозяина этих ножниц. А уж тогда мы установим, чья это кровь. Вернее, не мы, а биологи. А то ты хозяина найдешь, а он тебе скажет, что он вчера этими ножницами свинью хотел заколоть. Зарезать не зарезал, но поранил сильно. И кровь это не человеческая. И группу этой крови не мешало бы установить. Для полного сходства. Я уж не говорю о генетической экспертизе.

– Да я сейчас же постановление на биологическую экспертизу выпишу, – с готовностью сказал следователь. – Какие проблемы? Нужен человек – будем искать.

– Ты с перламутровыми пуговицами ищи. И лучше блондинку. В халатике. Как в «Бриллиантовой руке», – не выдержал Саша.

– А это что такое? – Владик вытащил со дна коробки какой-то круглый, плоский, ярко раскрашенный с одной стороны предмет.

– Это кнопка, – почесал себе ухо следователь. – Я ее на всякий случай в коробку забросил. У них там типа маскарад, что ли, был.

– Какая кнопка? – насторожился Саша. – Ну-ка, дай сюда посмотреть... – Он взял из рук Владика плоскую непонятную штуку. – Действительно кнопка. Раскрашена под ромашку. – Он повертел ее в руках. – Ничего себе размерчик. Летаящая тарелка. – Саша, осматривая, перевернул кнопку обратной стороной. – А вот это на ней что?

– Они там такими кнопками чего-то к стенам прикалывали. Украшали типа. У кого-то в боковом зале был день рождения. Там на полу валялась то ли стенгазета с фотографиями, то ли поздравления какие-то... Но с вечера вся эта хрень висела на стене, уклеенная ромашками из бумаги. Типа в одном стиле – что кнопки, что ромашки. Мне официанты это рассказали. И еще они сказали, что вот этот парень, которого убили, вышел в тот день на работу в первый раз. До этого они его не видели.

– Ребята, а посмотрите в вашем приборе еще и кнопку, – попросил Саша. – Вот эту часть, где острый треугольник, который, по идее, должны были в стену втыкать.

Влад повернулся к нему, своей длинной рукой сверху подцепил кнопку, как подъемный кран, долго возился, крутил ее, сопел, так и эдак прилаживая, чтобы удобнее было, но все-таки пристроил ее под свою лампу.

– Кнопки... мопки... Тащи сюда весь р-р-э-э-сторан, раз бесплатно смотрят... – ворчал он, пока снова перещелкивая тумблеры. А потом взгляделся и присвистнул. – Слушайте, а ведь, похоже, действительно кровь, – сказал он уже серьезно. – Давайте, сличайте ее по группе. Кому принадлежит. – Он стал исследовать кнопку дальше. – А вот вам и металл! Тот самый, частицы которого я нашел в ранах. Во всех колотых ранах.

– Там только одна кнопка была или несколько? – спросил у следователя Саша.

– Я даже не знаю. Скорей всего несколько, раз они там что-то прикрепляли...

– Гони туда и вези все, сколько найдешь. И еще скажи, ты родственников этого трупа нашел?

Следователь уже застегивал свою сумку.

– Родственников не нашел. Они в отпуск куда-то уехали. Кажется, за границу. Еще не вернулись. Между прочим, они в таких хоромах живут... Я туда еле протиснулся. С соседями и то поговорить не удалось. Охране начхать, что я дознаватель. Не пускают, и все.

– Но ты тогда охранникам фотографию этого трупа покажи, – посоветовал Саша. – Что-то мне не верится, что человек, который живет в таком доме, будет работать официантом в ночном клубе. У нас же не Америка. Ты вообще откуда знаешь, что этот человек – Сергеев? Ты его лицо видел?

– А я в лица покойникам стараюсь не смотреть, – сказал следователь уже от двери. – Я в документы смотрю. У этого трупа в кармане пропуск лежал. В этот самый ночной клуб. А покойников я с детства плохо переносу. Блевать тянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.